Ласточкин хвост
КАРЕН МАККВЕСЧИН

Freedom. Романы о больших сердцах. Проза Карен Макквесчин

Карен Макквесчин

Ласточкин хвост

«Эксмо»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макквесчин К.

Ласточкин хвост / К. Макквесчин — «Эксмо», 2020 — (Freedom. Романы о больших сердцах. Проза Карен Макквесчин)

ISBN 978-5-04-177743-2

Две эпохи, две истории любви. Джо постоянно снится один и тот же сон: прекрасная незнакомка умирает у него на руках. Парень уверен: это видение из прошлой жизни. Только когда бабушка, которая, по словам отца, давно умерла, вдруг появляется в жизни Джо и отвозит внука в фамильный особняк в Висконсине, становится ясно: есть тайны, которые от Джо хотят скрыть. Погружаясь с головой в прошлое своей семьи, Джо узнает, что сестра бабушки Элис трагически погибла полвека назад. Это случилось летом 1916 года, и парень догадывается, что его сны связаны с Элис и ее женихом. Девушка Кэтлин, новая знакомая Джо, помогает ему пролить свет на непростые загадки. Но, сближаясь, возлюбленные осознают: беда совсем рядом. Поскольку сны Джо не что иное, как предостережение о надвигающемся несчастье…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-177743-2

© Макквесчин К., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 25
Глава 7 29
Глава 8 33
Глава 9 36
Глава 10 39
Глава 11 43
Глава 12 47
Глава 13 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Карен Макквесчин
Ласточкин хвост

Karen McQuestion
Dovetail

© 2020 by Karen McQuestion
© Волобуева К., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Мы боимся не самой смерти, мы боимся, что никто не заметит нашего отсутствия, что мы исчезнем, не оставив следа.
@ Томас Стернз Элиот

Глава 1

Перл, 1983 год

Время все расставляет по своим местам. Когда-то я была красивой, привлекала внимание и собирала восхищенные взгляды, а теперь не выделяюсь даже среди своих сверстников.

Попадись я вам на глаза где-то на людях, в аптеке или в приемной во время одного из многочисленных походов к врачу, вы не обратили бы на меня ни малейшего внимания. А если бы даже и заметили, то подумали бы, что я просто милая седовласая бабуля или, если вы человек злобный, старая карга, которая прожила слишком долго. И стоит одной ногой в могиле.

В обоих случаях вы будете правы.

Если взглянуть на краткое описание моей жизни, то ничего необычного в ней не найдешь. Оно звучало бы примерно так: Перл родилась в тысяча восемьсот девяносто девятом году в семье верхней прослойки среднего класса в маленьком городке в штате Висконсин, вторая из семи дочерей; вышла замуж молодой и родила одного сына. В сорок лет, после смерти мужа, ветерана Первой мировой войны, овдовела и больше замуж не выходила. Затем последовала череда офисных работ, ничем не примечательных, но благодаря удачным инвестициям на фондовом рынке она накопила достаточно средств, чтобы построить хорошее гнездо. Когда ее отец скончался, она вернулась в дом своего детства и провела там большую часть своих преклонных лет, пока слабое здоровье не вынудило ее отправиться в дом престарелых.

В таком изложении история моей жизни кажется неинтересной и однообразной. Наверное, в какой-то степени так оно и было. Честно говоря, я планировала большее. Собиралась путешествовать по миру и переживать большие приключения. Что ж, не вышло.

Старость подкрадывается незаметно. Люди смотрят на тебя иначе. Видят тебя слабой, называют хрупкой и бросаются к тебе, чтобы помочь перешагнуть через бордюр и тому подобное. Другие видят в тебе проблему просто потому, что ты существуешь. Я понимаю это и не обижусь, если вы зададитесь вопросом, почему Бог забирает молодых и оставляет стариков вроде меня. Я и сама часто задавалась этим вопросом. Мое тело уже давно износилось и теперь держится на соплях да на проволоке, кости скрипят, суставы ноют при каждом движении.

Были в моей жизни и сожаления, много сожалений. Как-то ночью, лежа в постели, я осознала, что хотя бы раз нарушила каждую из десяти заповедей. Эта мысль меня ужаснула, но хуже всего было то, что с этим уже ничего не поделаешь. Что сделано, то сделано. Нельзя вернуть время вспять. Поверьте, выпади мне такой шанс, я бы многое изменила.

Я стала молиться каждый день, чего раньше никогда не делала. Страх – вот что мною движет. Я не хочу попасть в ад, если такое место вообще существует. И знаю, что у меня нет шансов попасть в рай. Эти мысли не давали мне покоя.

Можно подумать, что после стольких лет я должна была стать мудрой, как старая сова, но все как раз наоборот. Чем больше я узнаю, тем меньше понимаю и тем больше сомнений меня одолевает. Может быть, так и должно быть: загробная жизнь – тайна, известная только Богу.

Знаю одно. Я единственная, кто знает правду о последних минутах жизни Элис Луизы Беннет. Это моя сестра, и она была всего на восемнадцать месяцев старше меня. Мы были разными, как ночное небо и утренний восход солнца. Мой отец называл ее Элли-птичка, потому что она пела как соловей. Она любила всех в нашей семье, но я всегда считала себя ее любимицей. Она была лучшей из всех нас.

Должна быть причина, почему я еще жива. В последнее время меня все чаще посещает мысль, что мне, возможно, сначала нужно обрести искупление. С этой целью я пытаюсь изменить себя, исправить свои ошибки и тот урон, что нанесла. И когда придет мое время встретиться с Создателем и он скажет: «Перл, что ты можешь сказать о себе?», – я смогу ответить

ему, что в конце пути пыталась, старалась. Лучше поздно, чем никогда. Усилия должны иметь значение.

Элис умерла в прекрасном возрасте девятнадцати лет. Она прожила бы гораздо дольше, если бы не я и моя глупая гордость. Ее смерть была огромной утратой.

После того как она покинула эту бренную землю, ничто уже не было прежним.

Я скучаю по ней до сих пор.

Глава 2

1983 год

Джо был на групповой терапии в центре психиатрического лечения «Трендейл», когда ему сообщили, что кто-то пришел выписать его и он скоро покинет сие учреждение. Вот так неожиданность. Буквально утром доктор Дженсен, очень добрый, с серьезным лицом сказал ему, что он еще не готов к выписке:

– По моему профессиональному мнению, вы по-прежнему нуждаетесь в серьезной помощи, которую вам могут оказать только здесь.

– По закону я совершеннолетний, – ответил ему Джо. – Я могу сам выписаться, так?

В этом был смысл. Ему было двадцать два года, и он мог голосовать, пить и водить машину. Значит, он наверняка имеет и право принимать решения о своем здоровье.

Доктор Дженсен покачал головой:

– Нет, если вы считаетесь опасным для себя или окружающих.

– Но это не так. В смысле, я не опасен. – Смехотворно, что его здравомыслие ставилось под вопрос. Джо не принимал наркотики и не злоупотреблял алкоголем. Он никогда не ловил галлюцинаций. Конечно, последние два ночных кошмара были необычайно жестокими, но сам он не был склонен к насилию. Даже в детстве он избегал драк на школьном дворе.

– Я понимаю, что вы так считаете, но на самом деле решать мне. – Доктор дружески похлопал его по плечу. – Знаю, что это трудно, но мы справимся, Джо. Терпение, сынок, терпение.

Унизительные слова, призванные ободрить. Формально Джо находился не в тюрьме, но чувствовал себя именно так. Двери были заперты; персонал читал его почту, как входящую, так и исходящую, и прослушивал его телефонные разговоры. Много раз он жалел о том, что доверился отцу. Это было ошибкой. Отец рассказал мачехе, и она обезумела от беспокойства. Честно говоря, у нее имелись на то причины. Не раз он будил по ночам всю семью своими криками. Через какое-то время отход ко сну стал вызывать у него тревогу, поэтому он начал засиживаться допоздна, выпивая несколько бутылок пива в надежде, что это приглушит сны. Даже парни на работе заметили, что по утрам он приходил на стройку уставший и с мешками под глазами. Хуже всего было в ту ночь, когда он, бродя во сне, вошел в комнату своей сестры, разбудил ее и пробормотал что-то, чем сильно напугал ее. Осознание того, что он это сделал, пугало его самого не меньше, чем остальных членов семьи.

На тот момент он прожил с семьей всего месяц, переехав к ним, когда его арендодатель продал здание застройщику под кондоминиумы. Джо не собирался оставаться дольше месяца или двух, лишь на время, пока не найдет другую квартиру. И так бы все и закончилось, если бы не сны и страхи его мачехи.

А потом его отвезли на север штата Висконсин и поместили в лечебный центр, на что он неохотно согласился, просто чтобы успокоить их. Люди в белых халатах обещали ему помочь, но за три месяца он получил лишь множество таблеток да разговоров. Таблетки хотя бы помогали приглушить кошмары, но на самом деле не были решением проблемы. Он готов был назвать себя настолько излечившимся, насколько это вообще возможно, и отправиться домой, чтобы разобраться с этим самостоятельно, но каждый раз, стоило поднять эту тему, доктор Дженсен говорил, что он еще не готов.

– Ты закрылся, Джо. Если хочешь, чтобы мы помогли, то должен открыться.

Узнать, что он может выйти из «Трендейла» в тот же день, было все равно что услышать, что губернатор неожиданно помиловал его.

Когда это случилось, он с еще семью людьми сидел на расставленных по кругу жестких пластиковых стульях. В другом конце комнаты работал телевизор, оставленный предыдущей

группой под названием «Текущие события»: после просмотра пятичасовых новостей они уходили их обсуждать. Группа Джо называлась «Открытая дискуссия», а тему обычно выбирал ведущий сеанс сотрудник центра.

Изображения на экране телевизора отвлекали Джо. Даже без звука он знал слова из рекламы «Сони Уолкман» наизусть и мысленно проговаривал их: «„Сони“ представляет единственный в своем роде кассетный плеер размером с футляр для кассет. Невероятный звук от „Сони Уолкман“!» Баннер в нижней части экрана гласил: «В продаже уже в сентябре!» Новинка выглядела круто, но он не собирался заменять ею тот, что лежал у него в комнате. Он взял с собой только несколько кассет, не предполагая, что пробудет здесь так долго: «Джоан Джетт и Зе Блэкхартс», «Флитвуд Мак», «Холл энд Оутс»[1]. До приезда в «Трендейл» он слушал свой плеер каждый день, но здесь его убеждали, что он использует его как буфер, чтобы уйти от реальной жизни. Он скучал по музыке, которая была с ним постоянно.

В центре психиатрической терапии «Трендейл» свято верили в расписание, которому был подчинен весь день Джо с момента пробуждения и до самой ночи. Сон по расписанию, питание по расписанию, физические упражнения и, конечно же, сеансы терапии. Он посещал множество терапевтических сессий, а также регулярные встречи один на один с доктором Дженсеном. А между ними музыкальные и арт-занятия.

Персонал, похоже, верил, что их терапия в сочетании с правильными лекарствами может вылечить любого. Джо оказался для них крепким орешком, но они заверили его, что не собираются сдаваться.

Джо старался, по-настоящему старался. Он подробно рассказывал о каждом событии в своей жизни, уделяя особое внимание смерти матери и повторному браку отца, поскольку доктор Дженсен считал, что тревожные образы, которые приходили к нему по ночам, были следствием детской травмы. Хотя ни то, что его мать погибла в автокатастрофе, когда он был маленьким, ни то, что отец снова женился, когда он учился в первом классе, по правде говоря, не показалось ему слишком травмирующим. Во время аварии он находился дома с отцом и совсем не помнил мать.

Вскоре после ее смерти они с отцом переехали к доброй и заботливой тете Бетси. В этом тоже не было ничего травмирующего. Они прожили у нее два года, пока отец не встретил мачеху и не женился на ней. Джо хорошо приспособился к новой семейной ситуации. Помогло то, что мачеха была милой женщиной, которая любила его отца, заботилась о Джо и хорошо готовила. А когда она родила дочку Линду, они стали настоящей семьей, и мачеха стала ему настоящей мамой. Джо не мог вспомнить ни одной травмы, как бы ни старался.

В день, когда его выписывали, медсестра Флетчер вела групповую терапию, начав с темы «Прогресс», что на самом деле было просто хитрым способом заставить их говорить о своих проблемах и о том, как у них идут дела. Один за другим, по кругу пациенты излагали события, приведшие их сюда, и рассказывали, как «Трендейл» помог им. Неплохая реклама получилась бы для этого местечка.

Когда Джо только прибыл в клинику, его замысел заключался в том, чтобы преуменьшить свои симптомы в надежде показаться здравомыслящим и разумным и в итоге быстрее отправиться домой. Да какие проблемы! Просто парочка жутких снов! Он умолчал про недостаток сна, про то, что иногда просыпался в холодном поту, кричал, а сердце колотилось, и воспоминания о снах были такими яркими, словно он переживал их наяву. Но преуменьшение значимости всей этой ситуации привело к обратному эффекту. Когда доктор Дженсен сказал Джо, что один из терапевтов назвал его несговорчивым, он скорректировал свое поведение и стал использовать больше описательных слов и жестов, стараясь быть выразительным, когда

[1] Joan Jett & the Blackhearts, Fleetwood Mac, Hall and Oates – музыкальные рок-группы.

рассказывал о своих чувствах, но врачи все равно смотрели на него с подозрением. Он догадывался, что его статус поменяли с «несговорчивого» на «сдерживающегося».

Если и существовал способ удовлетворить их, он не мог его найти.

В этот вечер он внимательно слушал каждого из пациентов-сотоварищей, сочувственно кивая их горю. Когда подошла его очередь, Джо глубоко вздохнул и вкратце рассказал о ситуации, которая произошла дома.

– Все началось с того, что родители тревожились из-за моих снов, – сказал он.

– Ваши родители тревожились? – медсестра Флетчер изогнула бровь.

– Я тоже, конечно. – Джо оглядел комнату, изучая выражение лиц остальных. Большинство из них уже слышали его историю, и им явно было скучно. Только новоприбывшая пациентка, полнолицая женщина лет сорока со склонностью к матерной брани, казалась слегка заинтересованной. – Сны были яркими и имели звуковые, зрительные и обонятельные компоненты. – Он гордился этой дополнительной информацией, формулировку которой украл у одного из врачей. – Физический осмотр и анализы крови не выявили биологической причины моих проблем. – Выяснение этого факта обнадеживало, пока он не понял, что отсутствие биологической причины означает, что он просто больной на голову. – Есть два сна, которые вызывают у меня чувство грусти и депрессии, а другие два – страх.

Новоприбывшая встряла в диалог:

– А что в них такого печального и пугающего?

Хотя Джо знал ответ, он на мгновение задумался, чтобы придать себе серьезный вид. Наконец, он произнес:

– Они не похожи на обычный сон. Они будто реальны, словно я был там.

Женщина нахмурилась.

– Ничего особенного, все сны кажутся реальными.

Медсестра Флетчер прочистила горло и сказала:

– В этой группе принято относиться друг к другу уважительно. Мы не пренебрегаем опытом других людей.

– Извините. – Женщина опустила голову, уставившись в пол.

– Пустяки, – ответил Джо.

Дверь, которая была слегка приоткрыта, распахнулась шире, и одна из помощниц медсестры просунула голову внутрь. Это была Фрида, любимица пациентов, известная своим веселым нравом и сочувственным взглядом.

– Джо Арнесон? К вам пришли.

Медсестра Флетчер встала, чтобы ярче продемонстрировать, кто здесь главный.

– У него сейчас сеанс терапии.

– Это его бабушка, – пояснила Фрида. – Пришла проведать его и забрать домой.

– Выписать?

– Да. Это мать его отца. Говорит, что его держат здесь незаконно, и грозится позвонить властям.

– Что ж, хорошо, – медсестра Флетчер нетерпеливым жестом показала Джо, чтобы он уходил. – Можете идти.

Джо встал, недоумевая. Не может быть, чтобы кто-то пришел навестить его, тем более мать отца, которая умерла еще до его рождения. Следуя за Фридой по коридору, он подавил желание сказать ей, что, должно быть, произошла какая-то путаница. Может, ему удастся воспользоваться неразберихой и выскользнуть за дверь до того, как они поймут, что эта женщина вообще не имеет к нему никакого отношения.

– А она боевая, ваша бабушка, – бросила Фрида через плечо, быстро шагая. – Сказала, если не соберем тебя и не подготовим к выписке через пятнадцать минут, то уйдет и вернется с полицией. Она привела адвоката.

– Это на нее похоже.

Фрида остановилась, жестом указывая по коридору в сторону его комнаты.

– Тогда лучше поторопитесь и соберите свои вещи. Доктору Дженсену не нужны неприятности.

– Да, мадам.

Она ждала, пока Джо запихивал свои скудные пожитки в вещевой мешок. Он бросил последний взгляд на комнату: две кровати, прикрученные к полу, комоды, встроенные в цементную стену, и часы над дверью, непрекращающееся тиканье которых способно свести человека с ума, даже если он еще не потерял рассудок. Его соседа по комнате, Кларенса, в комнате не было, вероятно, он бродил по коридорам у столовой. Бедный Кларенс. Хороший парень, но такой проблемный. У Кларенса имелись привычки, от которых он никак не мог избавиться, сколько бы курсов терапии ни проходил. Он прошел электрошоковую терапию и частично потерял память. Врачи говорили, что со временем она вернется, но амнезия так сильно его беспокоила, что по ночам он плакал. Единственное, что помогало, – это таблетки, которые медсестры раздавали каждый вечер. Насколько сильно Джо хотел уйти, настолько Кларенс хотел остаться. Ему нравилась эта рутина. Говорил, что так он чувствует себя в безопасности.

Джо обратился к пустой комнате:

– До свидания и удачи, Кларенс.

Он поднял свой вещевой мешок с кровати и вышел в холл, где его ждала Фрида, чтобы отвести на встречу с женщиной, назвавшейся его бабушкой.

Глава 3

1983 год

Перл не знала, чего ожидать в «Трендейле», поэтому приготовилась сражаться. Ее оружием были юридические знания и опыт работы с документами, и для этого она взяла с собой Говарда, своего старого друга и бывшего адвоката. Ну, может, не совсем бывшего. Он ведь все еще считался ее адвокатом, хоть больше и не практиковал. Разум его был в порядке, но тело явно переживало не лучшие времена. Ровесник Перл, он, весь дрожа, ходил как младенец, едва научившийся стоять на ногах. Казалось, он вот-вот опрокинется вперед, и, наверное, так и произошло бы, если бы не трость. Перл попросила его надеть свой лучший костюм, и когда он вышел к ней, вид его выходного наряда вызвал у нее улыбку. Даже в его возрасте он прекрасно выглядел в костюме, с галстуком-бабочкой, повязанной слегка наискосок.

Перл уже обсуждала с ним этот сценарий несколько недель назад, и Говард посоветовал ей взять с собой доказательства родственных связей. У нее уже была копия свидетельства о рождении сына, а получить копию свидетельства о рождении внука оказалось проще простого. Узнав через частного детектива, которого она наняла, его домашний адрес, она позвонила в суд округа, где родился ее внук. Милая женщина, ответившая на звонок, выслала ей по почте форму, которую она заполнила и отправила обратно с чеком.

Через три недели пришло свидетельство о рождении. Открыв конверт, Перл изумленно уставилась на документ. Ее внук, Джозеф Аллан Арнесон, сын ее сына, Уильяма[2] Джона Арнесона. Она посчитала в обратном порядке: текущий год, тысяча девятьсот восемьдесят третий, минус дата рождения Джо, значит, ему двадцать два, почти двадцать три года. Он живет уже более двух десятилетий, а она ни разу не видела его. Что ж, скоро все изменится. Будучи оторванной от семьи на протяжении стольких лет, было приятно наконец получить подтверждение того, что у нее есть родные. В тот момент в руке она держала юридические документы, подтверждающие связь поколений, от матери к сыну, а затем от этого сына к его сыну, ее внуку. Тот факт, что она никогда не встречалась с Джо, не имел значения. Он был ее кровью, и она нуждалась в нем. Эгоистично? Возможно, немного, но она была слишком стара и слишком устала, чтобы зацикливаться на этом. Если мальчик не захочет идти с ней, это и будет ответом для нее, причем неутешительным, но попытаться стоит. С его отцом у нее ничего не вышло; возможно, внук окажется более открытым.

Когда Джо уверенно вошел в вестибюль с вещевым мешком, перекинутым через одно плечо, Перл поняла, что ее план сработал, все встало на свои места. Она заулыбалась до ушей при виде его, даже не заботясь о том, что со стороны может выглядеть ополоумевшей старушкой на ходунках. Она не была готова к тому, что он такой взрослый. Он мог бы сойти за человека гораздо старше своих лет. Джо был красивым мужчиной, внешне напоминавшим и ее мужа, и дядей по материнской линии. Были в нем и другие знакомые черты: походка, косая улыбка, которую он подарил ей в ответ, словно не знал, в какую игру играет, но с радостью согласился. И он совсем не походил на человека, которому место в психиатрической больнице, это уж точно.

Доктор Дженсен заговорил первым:

– Джо, я объяснял вашей бабушке, что сейчас неподходящее время прекращать лечение. Я чувствую – и, думаю, вы тоже, – что мы находимся на пороге прорыва. Если заверите ее, что вы в порядке, она может прийти завтра в часы посещений. Это даст нам всем время все обдумать.

Перл отодвинула ходунки и сделала шаг вперед.

---

[2] В данном случае Уильям – полное имя, Билл – сокращенное.

– Иди сюда, ты, – сказала она Джо, протягивая руки. – Обними свою старую бабушку. – Джо подошел к ней и обнял, и она прошептала ему: – Давай свалим отсюда к черту. – Когда они отстранились друг от друга, он кивнул в знак согласия.

– Риск уйти сейчас, – продолжил доктор Дженсен, обращаясь к Говарду, словно тот имел право голоса, – заключается в том, что весь прогресс Джо может сойти на нет. Было бы очень жаль, после той тяжелой работы, которую он проделал на сеансах терапии. – Его тон был искренним, но Перл это не тронуло. Как, видимо, и парня.

Говард, сохранявший любезность, серьезно кивнул головой; обвисшая кожа под подбородком выдавала его возраст. Практически всегда Говард выглядел для нее таким же, как и раньше. Только просматривая старые фотографии, Перл была вынуждена признать, что время их обоих не пощадило. Иногда она не могла поверить, что годы так истерзали ее. По утрам она смотрелась в зеркало, удивляясь, как это она так постарела. К счастью, природа, украв ее былую красоту, одновременно подпортила и зрение – хоть какое-то благословение во всем этом процессе.

Перл прочистила горло:

– Думаю, Джо готов пойти на такой риск. Я права?

– Абсолютно. Я неделями хотел уйти отсюда. – Джо поправил мешок на спине – признак готовности. Перл была рада услышать, что голос его звучал твердо. Никаких колебаний, никакого нежелания идти против воли так называемого профессионала. Его отец всегда был немного слабым, слишком беспокоился о том, что подумают другие люди. Она уже определила, что Джо способен на решительные действия.

– Я думаю, это ошибка, – ответил доктор Дженсен уже громче. – И знаю, что родители мальчика согласятся со мной.

– Не мальчика, – возразил Джо. – По закону я совершеннолетний. Так что не им решать.

– Все собрал? – спросила Перл внука.

Казалось, много ли уместится в вещевом мешке, но откуда ей знать? Она всего лишь старуха, у которой за всю жизнь накопилось немало скарба. Молодые люди, только начинающие жить, еще не успели обременить себя большим количеством вещей, львиная доля которых и вовсе не нужна, а некоторые болезненно напоминают о прошлом.

Джо кивнул.

– Что ж, тогда нет нужды задерживаться. Пойдем, – последняя фраза была обращена к Говарду, который пожимал руку доктора, будто это был светский прием, а не спасательная операция. – Говард! – прозвучало как выговор, но старик привык к ее манерам и не возражал. Он был хорошим человеком.

Когда они подошли к входным дверям, женщина за стойкой регистрации крикнула:

– До свидания, Джо. Удачи!

– Спасибо. – Он не оглянулся. Открывание дверей сопровождалось вибрирующим звуком. Говард, джентльмен по натуре, придержал для Перл дверь, затем Джо сделал то же самое для Говарда, из уважения к его возрасту. Значит, у ее внука были хорошие манеры, а это всегда хорошо.

Пока они шли к стоянке, Джо громко вздохнул. Они уже почти дошли до машины, когда он остановился и поднял руку.

– Мне жаль вам об этом говорить, – сказал он, – но, по-моему, произошла какая-то ошибка.

Одинокая невидимая птица чирикнула вдалеке.

– М-м? – Перл прислонилась к машине, держа громоздкую сумочку на согнутой руке. – Ты что-то забыл?

– Нет, я… – Джо провел рукой по своим лохматым темным волосам. – Не знаю, почему вы назвали меня своим внуком, но, боюсь, это ошибка. Мне жаль это говорить, но я вам не родственник. Меня зовут Джо Арнесон.

Его признание позабавило Перл.

– Я знаю, как тебя зовут. Я тоже Арнесон. Перл Арнесон. Твой отец – мой сын.

– *Мой* отец? – прищурился Джо задумчиво.

– Твой отец – Билл Арнесон, не так ли?

– Да, так его зовут. – Вещевой мешок упал на тротуар. – Но, может, мы говорим о разных Билли Арнесонах? Мать моего отца умерла давным-давно. Еще до моего рождения.

– Хорошие новости, – сказала Перл, порывшись в своей большой сумочке. – Не такая уж она и мертвая. – Она достала два свидетельства о рождении, подтверждающие их общую родословную, и протянула ему. – Не удивлена, что он тебе так сказал. Билл всегда любил драматизировать.

«И праведно негодовать», – подумала она. Возможно, даже спустя десятки лет после случившегося он все еще вспоминает все ее проступки. Можно подумать, он был идеальным.

Джо потребовалась, казалось, целая вечность, чтобы прочитать свидетельства о рождении. Перл практически видела, как шевелятся шестеренки и колесики в его голове, пока парень пытался выстроить связь. Мать сына, сын сына, бабушка внука. Говард направился к машине, и Перл махнула рукой, разрешая ему сесть за руль. Стоять ему было трудно.

Джо поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Тогда почему он сказал, что вы умерли?

Перл помрачнела.

– Скажем так, мы поссорились. – Вокруг ее лица прожужжал комар, и она отмахнулась от него.

– Поссорились?

– Да. Я уверена, что ты очень любишь своего отца, но иногда он бывает таким занудой. Умеет держать обиду и все в таком духе. История очень интересная, могу рассказать попозже, когда вернемся домой. Хочешь убраться отсюда поскорее или нет?

– Конечно. – Джо передал ей бумаги обратно, и она сунула их в среднее отделение своей сумочки.

– И другого способа уехать отсюда у тебя нет. Поезда и автобусы здесь не ездят. – Перл оглядела стоянку, окруженную деревьями. Вся дорога сюда была сплошной пустошью. Один маленький поселок за другим, а между ними – фермерские поля и леса. – Полагаю, можно попробовать автостопом, но уже темнеет.

Джо приложил два пальца к подбородку – знакомая манера.

– Как вы вообще узнали, что я здесь? Отец сказал?

– Ха! – выплюнула Перл. – Не его заслуга. Я спасла твою задницу. Это все я. – Она указала на себя. – Это должно было случиться, говорю тебе. Я звонила к вам домой, в очередной раз пытаясь образумить твоего отца. Он упрямый человек, но я планировала в этот раз извиниться, чтобы задобрить его. – Это не было правдой, но служило ее целям. – Как выяснилось, его не было дома, но я мило побеседовала с твоей сестрой Линдой. Я даже не знала, что у меня есть внучка, представляешь! Но по телефону она показалась мне милой девушкой с очень хорошими манерами. – Перл ухмыльнулась. – И минуты не прошло, как она сказала мне всю правду. Что Билл с женой засунули тебя сюда. И за что? За несколько плохих снов? Я поверить не могла! Никто в нашей семье никогда не страдал от психических отклонений. Возмутительно! Тогда я придумала план, как тебя вызволить. Никто не станет так обращаться с моим внуком!

Перл ожидала, что Джо восхитится ее сообразительностью, тем, как она выследила его и приложила столько усилий, чтобы помочь ему. Похвалит за то, какую находчивость проявила.

Выразит признательность за все ее усилия. Этого, конечно же, не последовало, но она порадовалась бы даже небольшой благодарности. Благодарность была бы очень кстати.

Вместо этого Джо сказал:

– Линда в порядке? Я не разговаривал с ней уже много недель.

Перл махнула рукой.

– В порядке. Может, сядешь уже в машину? Быстрее доберемся до моего дома. Оттуда позвонишь и сам с ней поговоришь.

– А по дороге не будет телефонной будки? Я бы позвонил.

– Нет, по дороге ничего такого нет, поверь мне. Просто сядь в машину. – Перл увидела сомнение в его глазах. – Пожалуйста, Джо? Темнеет, а у Говарда не лучшее зрение, так что правда лучше поехать. Мы два старика, которые и мухи не обидят. Не собираемся держать тебя против воли. Поедем к нам, а детали уладим позже, хорошо? – Вдалеке тишину нарушало лишь стрекотание насекомых. – Захочешь, можешь остаться на лето. Я как раз занимаюсь одним проектом, и помощь не помешает. Буду платить хорошо. – Перл попыталась прочитать выражение его лица. Не слишком ли рано она затронула идею остаться на лето?

– Поверить не могу, что у меня есть бабушка, о которой я не знал.

Так вот что не давало ему покоя.

– Да, уверена, для тебя это шок, – ответила Перл. – Полагаю, ты многого не знаешь о семье своего отца. Если поедешь со мной, я смогу показать много семейных фотографий. Фамильный дом в двух часах езды к северу отсюда, в очаровательном городке под названием Пулман. – Она натянуто улыбнулась ему. – Возможно, там ты многое для себя прояснишь. Это твоя история, часть того, кто ты есть.

Джо колебался. Отец никогда не упоминал город под названием Пулман, но опять же, отец всегда уклончиво отвечал на вопросы о своем детстве. Однажды Линда спросила, где он вырос, и он ответил: «В Захолустье, штат Висконсин». Тогда они посмеялись, но почему никто так и не добился ответа? Наверное, потому что чувствовали, что он не хочет об этом говорить.

Перл нетерпеливо постукивала ногой.

– Если удостоверение личности покажу, это поможет? – Она порылась в сумочке и протянула ему свои водительские права, пристально наблюдая за внуком, пока он читал.

Через минуту Джо вернул ей права со словами:

– Выглядят, как настоящие.

– Потому что они и есть настоящие. – Перл убрала документ в бумажник. – Знаю, все это чересчур. Мне очень жаль, но, чтобы ты знал, я не могу заставить тебя делать что-то против воли. Оставайся здесь или поехали со мной. Решай сам.

Джо поднял мешок на плечо. Перл явно делала успехи.

– Хорошо, поедем к вам. Но я не говорю, что останусь.

– Как хочешь, – спокойно ответила Перл. – Это будет целиком твой выбор. В конце концов, я же не могу заставить тебя остаться.

– Я хочу позвонить домой, как только приедем, чтобы родные знали, где я, – сказал Джо, будто это было его условие.

– Конечно. Я понимаю, ты не хочешь, чтобы они волновались. – Потянувшись вперед, она открыла заднюю дверь машины и жестом показала ему сесть. – Позвонишь сразу, как только приедем.

Глава 4

1916 год

– Перл! Перл! – звала Элис, взбегая по лестнице. Перл улизнула вздремнуть в середине дня и теперь свернулась калачиком поверх покрывала на кровати, которую делила с Элис. Закрыв глаза, в мыслях она представляла себе тот день, когда будет прогуливаться по проспектам Парижа во Франции, одетая по последней моде, и собирать восхищенные взгляды каждого мужчины на своем пути. Прощай, Пулман, штат Висконсин. Как только Перл выйдет в мир, она больше не оглянется назад.

Элис ворвалась в комнату.

– Перл, ты, лентяйка! Пойдем со мной. – Она толкнула сестру в плечо. – Пропустишь все самое интересное! Иди посмотри, что мастерит отец в сарае.

– О, Элис, – простонала Перл, – мне снился такой прекрасный сон.

– Все равно, нечего валяться посреди дня. Или ты заболела? – Элис положила руку на лоб сестры.

– Заболела от домашних дел, это считается?

– Нет, не считается. – Элис взяла Перл за обе руки и, потянув, подняла ее на ноги.

Перл неохотно последовала за сестрой вниз.

– А нельзя просто рассказать мне?

– Нет, ты должна это увидеть.

Девочки направились из дома в амбар, Элис шла впереди, едва сдерживая волнение. Развернувшись и шагая спиной назад, она сказала:

– Он такой красивый, Перл! Подожди, сама увидишь.

Толкнув дверь сарая, она провела сестру мимо пустых стойл, в которых содержались их корова и две лошади, и направилась прямо в дальний угол, служивший отцу столярной мастерской. Он стоял на коленях перед сундуком, одной рукой держа бурав, а другой вращая рукоятку. Маленькая Дейзи стояла рядом и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Услышав девочек, он отложил бурав и усмехнулся.

– Что скажешь, Перл?

Она обошла вокруг, остановилась и наклонилась поближе. На первый взгляд ящик казался совершенно обычным.

– Что это?

– Сундук с приданым для Элис, – промямлила Дейзи.

– Разве он не великолепен? – воскликнула Элис, сцепив руки. – Отец работал над ним тайком, но сегодня я застукала его.

Отец рассмеялся.

– Вы хоть представляете, как трудно хранить секреты в доме, где живут семь девчат? Так и знал, что одна из вас прознает раньше, чем я закончу.

Элис провела рукой по дереву.

– Он сделан из цельного дуба и обшит кедром, чтобы уберечь от моли. Отец вырежет на крышке любую картинку, какую захочу. Я подумала изобразить певчих птиц и сердце посередине. – И кончиком пальца она нарисовала сердце.

Отец кивнул.

– Это было бы красиво и как раз для тебя, моя крошка Элли-птичка. Я не художник, но, если нарисуешь на бумаге, сделаю, как смогу.

– Он приделает латунные петли и латунную задвижку! – Элис одарила отца солнечной улыбкой.

– Сундук с приданым? – переспросила Перл, нахмурившись. – Но он ведь нужен, когда выходишь замуж? Я думала, ты не хочешь выходить за Фрэнка?

– За Фрэнка не хочу, но это не значит, что я вообще не выйду замуж. – Дейзи протянула ручки, и Элис подняла ее. – Когда-нибудь и у меня появится такой сладкий цветочек, так что сундук, полный модного белья, одеял и подсвечников, будет очень кстати. – Она прижалась лбом ко лбу Дейзи, и малышка погладила ее по щеке.

– Но если не Фрэнк, то кто? – не отставала Перл. – За кого бы ты вышла?

«И, что еще важнее, кто вообще захочет жениться на Элис?» – подумала тогда Перл. Простушка Элис с прямыми каштановыми волосами и веснушками на пол-лица. Когда она улыбалась или пела, ее можно было принять за красавицу, но все же в ней не было ничего необычного. Да к тому же такая зануда, хоть и всего на полтора года старше. Мальчикам нравились такие девочки, как Перл, которые делали им комплименты и смеялись над их шутками. Элис же была очень серьезной, все продумывала до мелочей. Она даже не пыталась завоевать их расположение.

Фрэнк казался Перл не такой уж плохой партией. Сын преуспевающего фермера, все время приходил с подарками и цветами, хотя Элис никогда не поощряла его и не давала ему надежд. Умом он не блистал, но всегда был мил с ней, а это что-то да значило.

– Любой мужчина был бы счастлив взять твою сестру в жены. В нашем доме она прекрасно справляется со своими обязанностями, ведь так? – сказал отец с широкой улыбкой, показывая, как сильно гордится своей дочерью.

Он, должно быть, имел в виду то, как она готовит, печет и убирает. С неохотой ей пришлось признать, что у Элис был талант к ведению хозяйства. С младшими девочками она была куда терпеливее, чем Перл. Элис могла уладить ссору и унять обиду и боль, словно была рождена для этого. И к ней же можно было обратиться с любой травмой. Она могла почистить и залечить любую царапину или рану. Ее заботливые руки успокаивали ожоги и смягчали шишки. Именно такие постоянные хлопоты и вызывали порой у Перл желание убежать и никогда не возвращаться.

Элис продолжила:

– А еще в основании будет встроен секретный ящичек, где я смогу хранить письма и документы. – Она встретилась взглядом с Дейзи. – В недоступном для маленьких ручек месте. Отец сказал, что сделает его так, чтобы никто никогда не догадался, что он там есть.

Перл сделала шаг назад, чтобы получше рассмотреть сундук.

– И какие документы ты собралась там хранить?

Отец ответил за Элис:

– Свидетельство о браке, а потом, когда появятся дети, свидетельства о рождении…

– Папа! – Элис покраснела и поспешно сменила тему. – Расскажи Перл то, что рассказал мне. О соединительных петлях. – Она опустила Дейзи на пол и провела пальцами по уголку сундука. Подняла глаза на Перл и сказала: – Эти соединения называются «ласточкин хвост». Ласточкин хвост! Как красиво звучит, правда?

– Наверное.

Отец пояснил:

– Бока сундука соединяются с помощью креплений «ласточкин хвост». Они вырезаны по шаблону так, чтобы один край вставлялся в другой. Широкие хвосты и узкие штифты – вот как это называется. Работает примерно так. – Он сцепил руки, переплетая пальцы. – Когда две части склеиваются вместе, место соединения становится прочнее, чем само дерево. Ваша мать всегда говорила, что оно идеально подходит для сундука с приданым, потому что, когда двое вступают в брак, вдвоем они становятся сильнее, чем порознь. – Как и всегда при упоминании мамы, эмоции захлестнули отца. – Очень трудно сломать соединенные части, когда они зафиксированы. Этот шов, «ласточкин хвост», способен выдержать любое испытание вре-

менем. – Он сделал паузу и отвел взгляд, а затем достал из кармана носовой платок, чтобы промокнуть глаза.

Перл подошла к нему сзади и обхватила его за плечи.

– Мы тоже по ней скучаем.

– Знаю, милая. – Он высморкался, затем сложил платок и сунул его обратно в карман. – Вашей маме нравилось название «ласточкин хвост».

– Потому что это очень романтично, – добавила Элис. – И когда папа закончит с моим сундуком, сделает такой же и для тебя, Перл.

– Для меня?

– Да. Я сделаю такой для каждой из вас, девочки. Ваша мать всегда жалела, что у нее не было такого. – Отец с улыбкой повернулся к Перл. – Так что можешь начинать фантазировать, какой сундучок себе хочешь и как его украсить.

– Обязательно, – пообещала Перл, но в глубине души она задалась вопросом, чего бы ей хотелось наряду с сундуком. У нее было много планов на будущее, но собирать постельное белье в их число не входило.

Глава 5

1983 год

Когда машина резко остановилась, Джо пробудился от тревожного сна. Инстинктивно он схватился за грудь, пытаясь унять колотящееся сердце, но это было бесполезно. Эмоционально он все еще находился в тисках своего подсознания, весь мокрый от пота. Как так-то? Должно быть, он задремал под убаюкивающий шум колес автомобиля. Губы его автоматически пролепетали «Это был всего лишь сон» – фразу, предложенную доктором Дженсеном, утверждавшим, что тело его в конце концов поверит разуму. Так и не сработало.

Даже открыв глаза, он не сразу понял, где находится, и не сразу узнал двух пожилых людей на передних сиденьях, смотревших на него в упор. Он прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд. Постепенно до него дошло. Женщина – его предполагаемая бабушка. Старик – ее адвокат и друг. И они направляются в какой-то город под названием Пулман. Машина остановилась на обочине, и Джо полностью завладел вниманием стариков.

Бабушка заговорила первой:

– Ты в порядке, Джо?

– Конечно, а что?

Он затаил дыхание, ожидая ответа. Сон, который ему только что приснился, был худшим из всех. Он про себя называл его «Сном смерти». В нем все начиналось прекрасно. Джо был с девушкой, и они безумно любили друг друга. Он никогда не испытывал такой любви в реальной жизни, не знал, что можно чувствовать такую связь с другим человеком. Но радость от общения с ней разрушил разъяренный мужчина, размахивающий пистолетом. В конце сна Джо обнимал девушку и в ужасе смотрел, как она умирает у него на руках. Этот сон был опустошающим, и Джо всегда просыпался с ощущением, что сердце его разорвано на части. Он никогда не видел лица этой девушки, но знал, что любил ее больше жизни. Когда он поделился этим с доктором Дженсеном, добрый доктор спросил: «Откуда вы знаете, что любили ее?» Джо тогда пожал плечами и ответил: «Просто у меня такое чувство». Но это было не просто чувство, а уверенность. Реальное чувство любви сделало необузданный ужас сна еще более кошмарным. Сон был настолько реальным, что Джо кожей ощущал влажный ночной воздух и прикосновение пальцев девушки к своей щеке.

Пробуждение от такого кошмара должно было принести облегчение, но вместо этого оставило с ощущением, что он бросил любимую женщину.

Джо сел и потянулся. Машина работала на холостом ходу, по радио играла песня о двух детях по имени Джек и Диана. Джо отметил про себя контраст между этой современной поп-песней и Говардом, пожилым адвокатом. Он определил бы его как парня эпохи биг-бенда, но никак не фаната Джона Кугара. В тексте песни говорилось о том, что жизнь продолжается даже после того, как исчезли острые ощущения. А вот эта часть уже ближе.

Судя по встревоженным лицам стариков, уставившихся на него с переднего сиденья, они были готовы отвезти его обратно в «Трендейл». Прочистив горло, Джо невнятно хихикнул:

– Я что, кричал во сне?

Перл нахмурилась, и ее брови сошлись вместе.

– Ты издавал жуткие звуки, мямлил что-то, но я поняла только «нет, нет!».

– Будто не своим голосом, – продолжил Говард обвиняюще, как будто он сейчас в зале суда и загоняет свидетеля в угол своими заявлениями, не оставляя места для возражений. – Как будто другой человек.

Джо поднял руки, как фокусник, как бы говоря: никаких фокусов, руки мои чисты.

– Я же здесь один, так что это мог быть только мой голос.

Говард ответил:

– Тот голос был глубже, чем твой. Более хриплый, словно простуженный.

Джо кивнул.

– Я вас понял. Мне уже такое говорили. Мне приснился один из тех кошмарных снов. Это одна из причин, по которой я оказался в «Трендейле».

Всего было четыре сна. Даже самые приятные из них носили оттенок нехорошего предчувствия, и он всегда просыпался с ощущением ужаса. Он знал каждый сон наизусть, каждую деталь, каждое произнесенное слово. В рамках терапии доктор Дженсен заставлял его записывать все, думая, что перенос слов на бумагу уменьшит власть снов над его подсознанием. Но этого не произошло. Через несколько недель он дал Джо ручку и желтый блокнот и попросил его снова описать каждый сон. Джо заполнил четыре страницы подробностями, записывая все, что он пережил. Если доктор Дженсен и удивился, что эта версия в точности совпала с предыдущей, то не подал виду.

Не получив ответа, Джо добавил:

– Извините, если я вас напугал.

Перл пожала плечами.

– Меня не так легко напугать, так что об этом не беспокойся. Просто неприятно видеть, что ты чем-то расстроен. – Она повернулась к Говарду. – Шоу окончено, поехали.

Говард вырулил на дорогу и поехал дальше по шоссе. Под нос он пробормотал:

– Не то чтобы меня спрашивали, но это страшно.

Джо протер глаза и посмотрел на проносящийся мимо пейзаж.

– Мы уже близко? – Он начал задаваться вопросом, на что подписался. Они могли везти его куда угодно.

Перл ответила:

– Очень близко. Еще несколько минут, и мы дома.

Дом. Возможно, именно из-за того, что сон был таким реалистичным, его воображение заработало на полную силу. Ему пришло в голову, что свидетельства о рождении могут быть подделкой. А что, если эти двое стариков сумасшедшие и будут держать его в плену? И что они собираются с ним делать? Просить выкуп, сделать рабом, использовать для научных экспериментов? Что, если они из какой-то секты и вербуют людей? Он подумал, что никто не знал, куда он направляется. В «Трендейле» хотя бы спросили у старушки документы? Должны были, рассудил Джо. В этом учреждении строго придерживались протокола и документации. Для безопасности он мысленно пометил себе быть более внимательным. Нельзя вот так нечаянно засыпать. Если что-то покажется ему не так, хоть малейшая деталь, он бросится бежать. Неважно, что он не знал, куда они направлялись. Он пойдет пешком или отправится автостопом, а как найдет телефон, позвонит другу или родным, чтобы приехали за ним.

Он был настороже, следя за ориентирами, и почувствовал облегчение, когда увидел знак, приветствующий их в Пулмане. Значит, эта часть рассказа старухи правда. Возможно, и остальное тоже. Ему не терпелось поговорить с отцом. У него появилось так много вопросов.

Когда они свернули с шоссе, то проехали через причудливый городок с магазинами, парикмахерской, банком и несколькими ресторанами. Машины перед зданиями были припаркованы под углом. Открыты были только несколько заведений: паб и два ресторана. У остальных на окнах висели вывески «Закрыто». Они поехали из центра по переулкам, застроенным аккуратными домишками. Захолустье, штат Висконсин.

Через несколько кварталов они оказались на проселочной дороге.

– Моргнешь и не заметишь, как уже проехал весь город, – пошутила Перл.

Дневной свет угасал, и Говард теперь ехал, наклонившись к лобовому стеклу, чтобы лучше видеть дорогу. Машина делала такие резкие повороты, что Джо раскачивало на заднем сиденье. Говард повернул руль вправо на одну дорогу, затем налево на другую и, наконец, вышел на дорогу, обозначенную знаком с надписью «Стоун-Лейк-Роуд».

– Там есть озеро? – удивился Джо.

– Есть, да. Раньше здесь была еще и мельница, давным-давно. Мукомольная, работала на энергии от ближайшей реки Барк. Мельницей владел и управлял мой отец, твой прадед, – сказала Перл. – Но это было очень давно. Все меняется.

Дорога огибала едва видимое сквозь деревья озеро. Наконец, Говард выехал на дорогу к большому двухэтажному дому голубино-серого цвета с белой отделкой. Вдоль дома тянулось крыльцо с небольшим балконом над входной дверью. Отделка была витиеватой, с вихрями и завитушками. Декоративная лепка над окнами напоминала изогнутые шляпы. Когда-то, решил Джо, это был величественный дом, хотя сейчас ему не помешала бы новая покраска. Двор тоже нуждался в уходе. Кустарник перед домом разросся, а газон зарос сорняками и местами оголился.

– Это ваш дом? – недоверчиво спросил Джо. – И мой отец здесь вырос?

– Я выросла здесь и вернулась сюда после смерти отца. Твой отец проводил в этом доме много времени в юности, но никогда здесь не жил.

– Впечатляет.

Перл кивнула.

– Это стиль готического возрождения, не очень распространенный в этих краях, – сказала она, переполненная гордостью. – Мой дедушка построил этот дом. Много лет на ветке этого дуба висели качели, – указала она. – Ну а за тем холмом – озеро.

Они вышли из машины, и Джо перекинул вещмешок через плечо. Он не мог оторвать глаз от дома, который был размером с многоквартирный дом. Особняк по сравнению с домом родителей, где он жил.

Перл высунула ноги из машины и ждала, пока Говард принесет ей ходунки, сложенные на заднем сиденье. Она разложила их и встала, закрыв за собой дверь.

Джо последовал за Перл и Говардом к дому, что, казалось, заняло целую вечность: Говард с тростью и старушка, опирающаяся на ходунки. Шарканье, шаг вперед, шарканье, шаг. Оказавшись внутри, Перл щелкнула выключателем, и взору предстал парадный холл. Слева находилась гостиная, мебель в которой была накрыта белыми простынями. Большой арочный проем в дальней части комнаты вел в помещение, освещенное висящим светильником – вероятно, столовая. Справа находился небольшой кабинет. На столе со сдвижной крышкой беспорядочно валялись бумаги и ручки. Прямо от входа в темноту тянулся коридор. Определенно, когда-то это место захватывало дух, но годы запустения были заметны по выцветшим обоям, пыльным плинтусам и паутине в углах.

– Вы сказали, что я смогу позвонить родным, – сказал Джо.

– Конечно, – Перл пальцем позвала его следовать за ней и зашаркала вглубь по коридору, на ходу включая свет. Каждый выключатель громко щелкал, будто включался свет на стадионе. По пути они миновали лестницу и еще одну комнату справа. Когда они повернули налево, на кухню, Джо увидел, что часть комнаты вела в помещение, которое, как он догадался, было столовой. Похоже, они сделали круг.

Перл указала на старый телефон с поворотным номеронабирателем, стоящий в нише. Матерчатый шнур спускался к вилке над плинтусом. Джо набрал номер и слушал гудки, звонком раздающиеся в доме его отца.

Перл подняла палец и прошептала:

– Пойду проверю Говарда. – И пошла обратно по коридору, делая по одному уверенному шагу зараз.

Сестра ответила, используя формулировку, которую требовала произносить их мать всякий раз, когда им звонили:

– Дом Арнесонов, Линда у телефона.

Джо улыбнулся. Маленькая леди.

– Линда, это Джо.

– Джо! – Он услышал волнение и любовь в ее голосе и вдруг понял, что ужасно по ней соскучился. – Боже мой, не могу поверить, что это ты! Я так по тебе скучала.

– Я тоже по тебе скучаю.

– Ты вернешься домой?

– Надеюсь. Можешь позвать папу?

Он услышал, как звякнула трубка, когда она положила ее на стол, уходя. Через минуту отец уже был на линии, и Джо вводил его в курс дела.

Разговор прошел не так, как он надеялся. Возможно, все прошло бы более удачно, если бы отцу сначала позвонили из «Трендейла», чтобы подготовить почву, но этого не произошло.

– Позволь мне прояснить, – сказал отец раздраженно. – В «Трендейл» обратилась женщина, которая заявила, что она твоя бабушка, а ты просто взял и уехал с ней? Ты что, совсем спятил?!

– Так, значит, она не твоя мать? – спросил Джо. – Потому что у нее есть документы, и довольно убедительные. Свидетельство о рождении. И она показала мне свои водительские права.

– Перл Арнесон – моя мать, да, по крайней мере, юридически. Но мы не общаемся уже очень, очень давно. И я не собираюсь это менять.

– Почему? Что произошло?

Тяжелый вздох.

– Это уже не важно.

Джо узнал этот нетерпеливый тон – отец просто не хотел об этом говорить. Избавляться от болезненных воспоминаний было его способом решать проблемы. Или, в данном случае, не решать их вовсе.

– Хочешь с ней поговорить?

– Нет, я не хочу с ней разговаривать. – Нетерпение переросло в раздражение.

Джо понял, что лучше перейти к делу.

– Сейчас я в ее доме, на Стоун-Лейк-роуд. Сможешь приехать за мной завтра? – Джо понимал, что просить его приехать сегодня не стоит.

Возникло молчание, а затем отец сказал:

– Минутку.

Джо слышал, как дальше по коридору Говард что-то говорил Перл о том, что пора возвращаться домой. Другим ухом он слышал приглушенный голос отца, объясняющего что-то матери. Должно быть, он закрыл трубку ладонью.

После долгой паузы в трубке послышался треск и голос отца:

– Какой номер дома, Джо? Позвоню тебе завтра.

Джо наклонился и прочитал на карточке в центре номеронабирателя:

– Хопкинс, 4–3695.

– Значит, тот же, что и раньше.

– Наверное.

– Вот что я тебе скажу, Джо. – Отец сделал паузу, и Джо представил себе его усталое лицо и то, как он нахмурил переносицу – как всегда, когда имел дело с чем-то неприятным. – Мне нужно все обдумать. Позвоню тебе утром, и тогда поговорим.

– Хорошо.

Разочарованный, но не удивленный, Джо попрощался и повесил трубку. Через минуту в дверях появилась Перл.

– Как все прошло? – спросила она.

– Как выяснилось, я смогу уехать отсюда только завтра.

– Понятно.

– Если вы не против?

– Более чем не против. Я буду рада, если ты останешься. Как я уже говорила, у меня есть один проект, и твоя помощь мне не помешает. Это почти на все лето, и мне придется кого-нибудь нанять. Если уж платить кому-то деньги, причем немалые, то уж лучше внуку родному.

Внуку. Это слово так легко прозвучало из ее уст. Но Джо показалось странным услышать его от женщины, с которой он только что познакомился. Она посмотрела на него выжидающе, и он ответил:

– Мило, что вы подумали обо мне, но я должен возвращаться домой. У меня дела.

По правде говоря, ему не к чему было возвращаться – ни работы, ни девушки, но он не собирался в этом признаваться. Судя по ее скептическому выражению лица, она уже и так это знала. Вероятно, выпытала информацию у Линды во время их телефонного разговора. Линда знала, что нельзя грубить взрослым, даже по телефону. Если бы ей задали вопрос, она, скорее всего, ответила бы на него.

– Значит, на одну ночь, – сказала Перл наконец. – Запри дверь, когда я уйду, и чувствуй себя как дома. Одну из спален наверху, вторая дверь слева, недавно убрали, там свежее постельное белье. В остальной части дома, к сожалению, беспорядок, но это лучше, чем спать на улице.

– Постойте, вы не останетесь?

Он должен был почувствовать облегчение, что не придется оставаться с незнакомым человеком наедине, пусть даже родственником, но не почувствовал. Дом был огромным и пустующим. Будь Джо из пугливых, то подумал бы о призраках. Важнее было то, что он хотел, чтобы она осталась здесь, чтобы они могли поговорить об их с отцом размолвке. Что заставило того порвать отношения с родной матерью? Он и представить себе не мог.

– Нет, – Перл покачала головой, – я здесь больше не живу.

– Что?

– Меня вынудили съехать, – хмыкнула она. – Это долгая история. Я перепутала лекарства и попала в больницу. Потом мой врач подал заявление в округ, и началось расследование. – Последнее слово она взяла пальцами в кавычки. – Кучка проныр. Не поверишь, какая была шумиха, когда я не позволила приходящей медсестре зайти ко мне в дом. В Пулмане будто конец света настал. В конце концов я взяла инициативу в свои руки и решила переехать в Пайн-Ридж-Холлоу, где живет Говард, пока суд не назначил какого-нибудь шарлатана ограничить меня в правах.

– Так Пайн-Ридж-Холлоу – это жилой комплекс?

– Дом престарелых, – нахмурилась Перл. – Там любят, чтобы постояльцы возвращались до темноты или предупреждали заранее, если задерживаются.

Джо задумался.

– У вас будут неприятности?

– А-а, – пренебрежительно махнула рукой Перл, – у них слишком много правил, но, как ты знаешь, правила созданы для того, чтобы их нарушать. Ну и что они сделают, лишат меня пудинга на десерт?

– Перл! – позвал Говард из соседней комнаты тонким и тревожным голосом. – Нам лучше вернуться. Я уже пропустил вечерний прием лекарств.

– И они немного зациклены на лекарствах, – добавила она. – Раздают их, будто леденцы, вместе с крошечным бумажным стаканчиком с водой. Кучка скряг.

– В «Трендейле» тоже так делали, – сказал Джо, вспомнив одноразовые стаканчики, рассчитанные всего на полтора глотка. Можно подумать, от воды может случиться передозировка.

– А они следили, чтобы ты проглотил таблетку?

– Следили, да.

Перл вздохнула.

– Ненавижу это.

– Я тоже это ненавидел. – Джо встретился с ней взглядом и впервые почувствовал, что, возможно, между ними и существует родственная связь. Их сблизила выдача лекарств.

Из коридора послышалось:

– Перли!

– Мне пора, – сказала она. – Тебе здесь будет хорошо. Я приеду завтра около девяти. Если понадоблюсь, набери оператора, ее зовут Нелли. Спроси Пайн-Ридж-Холлоу, она переведет звонок. – Перл взглянула на Джо оценивающе. – Но, кажется, ты способный малый, думаю, тебе это не понадобится.

– Хорошо.

– О, и я сегодня положила немного еды в холодильник. Еще есть консервированный суп.

– Спасибо.

– Перл!

– Иду, Говард! Попридержи коней. – И Перл пошла к нему по коридору, толкая перед собой ходунки.

Глава 6

1916 год

Перл думала, что даже если доживет до ста лет, то не забудет тот день, когда Джон Лоуренс приехал к ним погостить. Она не догадывалась, что его приезд ознаменует начало конца, что жизнь ее изменится во многих отношениях, и не в лучшую сторону. Она знала лишь, что Джона Лоуренса – привлекательного молодого холостяка – привели прямо к ним на порог. И хотя она ни разу его не видела, одна мысль о нем заставляла ее дрожать от предвкушения.

Она знала всех молодых людей в их маленьком городке практически с младенчества, и они были, по сути, единственными знакомыми ей мужчинами. Перл не разрешали уезжать далеко от дома, поэтому она редко знакомилась с новыми людьми. Иногда к кому-нибудь из горожан приезжал родственник, что всегда вызывало интерес, но то, что к ним переезжал жить молодой человек, было событием, не имеющим себе равных. По ее мнению, это было самое интересное событие в Пулмане, штат Висконсин, за долгое время, возможно даже, за многие годы. В Пулмане никогда ничего не менялось к лучшему, если не считать новых постановок в театре «Победа». Перл со своими пятью младшими сестрами смотрели все фильмы по многу раз. Их старшая сестра, Элис, каждый вечер субботы играла на пианино в кинотеатре, поэтому владелец сего заведения, мистер Крамер, пускал их бесплатно, при условии, что они будут сидеть на задних рядах и вести себя очень тихо.

В день приезда Джона был как раз и день рождения близнецов. Мэй и Мод исполнилось девять лет, и они были так взволнованы, что Перл едва могла находиться с ними в одной комнате. В свои семнадцать Перл думала, что никогда не вела себя так глупо: они скакали по всей кухне, мешая Элис, которая пыталась поставить пирог в духовку. Элис была всего на полтора года старше Перл, она обладала милым нравом, но была скучна, как престарелая служанка. Из необходимости она взяла на себя ведение домашнего хозяйства после рождения маленькой Дейзи. Поначалу они думали, что их матери просто нужно время, чтобы восстановить силы, но когда малышке исполнилось шесть месяцев, мать заболела гриппом и крупом, и дальше становилось все хуже. Их любимая матушка угасала на глазах, и, в конце концов, у нее начался горячечный бред. Элис ухаживала за ней несколько недель, ежедневно приходил врач, но ничего не помогало. Несмотря на то что они видели, как она боролась и слабела, ее смерть стала для них ужасным потрясением: младшие девочки рыдали и метались по дому, отец держался стойко, но был сломлен. Долгое время в доме никто не улыбался, пока однажды они не услышали, как Элис поет Дейзи колыбельную и как малышка восторженно забулькала.

Элис вела все хозяйство и хранила домашний очаг. После смерти матери она работала не покладая рук: копошилась в саду, стирала и развешивала белье, готовила еду – без передышки и отдыха. Даже пока все ели, Элис суетилась вокруг стола, наполняя стаканы молоком и следя за тем, чтобы еды всем хватило. Ее жизнь закончилась раньше, чем она успела прожить ее, бедняжка, но, казалось, это не омрачало ее будни. Суетясь по дому, она напевала народные мелодии, церковные песни и частушки, которые придумывала, чтобы развлечь младших девочек. «Моя крошка, Элли-птичка», – называл ее отец. Голос Элис каждый день поднимал им настроение.

После смерти матери у них с Элис больше не было времени на разговоры, если только Перл не хотелось следовать за сестрой повсюду, пока та чистила стойла лошадей, выбивала ковры или доила корову, чего она уж точно не хотела делать. Она скучала по тем дням, когда они с сестрой могли позволить себе поваляться на кровати, листая журналы о кино, которые им давала старая миссис Донохью. В основном это Перл восхищалась фотографиями и читала вслух, пока Элис вязала свой очередной проект, но главное, они были вместе.

Сегодня Мэй и Мод прыгали вокруг стола, смеялись и пели, пока Элис выливала тесто на смазанные маслом противни. Если бы не прически, девочек было бы не различить. У Мэй всегда была одна коса, спускающаяся по спине, а у Мод – две косички. Однажды они попробовали поменяться прическами, но к обеду обе жаловались, что их головы кажутся им кривыми, так что Элис заплела им косы, как прежде, исправив положение. «Я бы не стала это делать, – сказала ей Перл. – Хоть раз ты можешь настоять на своем? Это была их идея. Пусть проходят так хотя бы до вечера».

Но Элис не слушала. Ее руки летали по волосам Мэй, переплетая пряди так быстро, что трудно было за ними уследить. Она пожала плечами:

– Я не против, это займет всего минуту. – Завязав ленточку на конце косы, она поцеловала Мэй в макушку. – Готово. Теперь все правильно, мой цыпленок.

Затем Мод устроилась на стуле, а Элис ловко разделила ее волосы на две части и заплела две косы, так что привычная внешность близнецов была восстановлена в мгновение ока. Поцеловав в макушку вторую близняшку, Элис выпроводила обеих на улицу собрать яйца из курятника.

Элис сама распределяла обязанности по дому. Летом было особенно много работы. Хелен и Эмма, которым было по тринадцать и одиннадцать лет, помогали стирать вещи и колоть дрова. Мэй и Мод мыли полы, собирали яйца и помогали выбивать ковры. Все они работали в саду, вытирали пыль и убирались как в доме, так и в сарае. В субботу по вечерам они по очереди таскали воду от насоса к печке, чтобы нагреть ее для еженедельной семейной бани. Даже трехлетняя Дейзи вносила свою лепту: кормила цыплят, вытирала пыль и ходила за Элис по пятам, как маленький утенок за своей матерью.

Перл помогала по мере возможности, но она была не из тех, кто занимается домашним хозяйством. Она ненавидела пачкать руки, не любила мыть кастрюли и отжимать мокрое белье. О стирке и садоводстве не могло быть и речи. От жаркого солнца у нее болела голова. Она просто не была создана для домашних обязанностей, что стало очевидным после того, как она сожгла курицу и переварила суп, когда ей доверили готовку. Вздохнув, Элис тогда сказала, что отныне все будет делать сама. Перл обняла сестру за талию и положила голову ей на плечо.

– Однажды я стану богатой, и ты сможешь жить со мной в моем особняке, где всю работу будет выполнять прислуга. Мы будем свободными дамами, комнаты будут полны шуб и шелковых бальных платьев, а сундук – бриллиантовыми украшениями.

Элис улыбнулась.

– О, Перл, ну ты и выдумщица! Уверена, мне бы наскучило жить такой жизнью. К тому же, будь ты так богата, разве не хотела бы использовать эти деньги на благое дело?

Перл обдумала вопрос сестры.

– Наверное, можно было бы организовывать фруктовые корзины на Рождество. Ведь так богачи поступают?

Элис покачала головой.

– Ты могла бы сделать гораздо больше. Многие люди испытывают трудности, и, будучи богатой, ты могла бы стать их спасительницей. Я всегда верила, что Бог дает людям деньги, чтобы посмотреть, как они ими распорядятся.

– О, я бы ими замечательно распорядилась и позволила бы тебе, Элис, помогать мне с этим, – заявила Перл. – Когда я стану известной киноактрисой, то заработаю столько денег, что смогу делать все, что захочу.

Элис рассмеялась.

– Смотри, как бы отец тебя не услышал.

Они обе знали, что отец бы не одобрил, чтобы его дочь стала актрисой. Его не радовало и то, что Элис играла на фортепиано в кинотеатре, но владелец был его другом, а их семья нуждалась в деньгах на оплату медицинских счетов и врачей. А еще он добавил: «Я знаю, что

могу доверять Элис. Она будет вести себя как леди, где бы ни находилась». Он взглянул на Перл, прищурившись. У нее сложилось четкое впечатление, что в отношении второй дочери такой уверенности он не испытывал.

Перл хотела яркой жизни, под стать ее мечтам. Ей не терпелось увидеть мир. Она запланировала когда-нибудь посетить все крупные города и увидеть все, что они могут предложить. Париж, Нью-Йорк, Рим. Пока она теряла время здесь, где-то там ее ждали волнительные события, проходившие без ее участия. От этой мысли ей хотелось плакать. Она столько всего теряла.

Элис не разделяла ее недовольства. Говорила, что у нее нет времени даже думать о других местах. Сегодня она вертелась, как заведенная, чтобы успеть подготовить дом к приходу гостей. На голову она повязала старый платок, чтобы убрать волосы назад, а на пояс нацепила один из фартуков их матери, практически закрывавший ноги. Когда Перл села на кухонный стул с чашкой холодной воды прямо из насоса, Элис подошла и высыпала на стол перед ней кучу моркови, лука и картофеля, взяла разделочную доску, которую их отец сделал в мастерской, и положила ее рядом с овощами.

– Будь добра, сделай что-нибудь полезное: порежь овощи для рагу. – Порывшись в ящике, она протянула Перл нож. – А вы, девочки, – сказала она, указывая на Мэй и Мод, – сходите и пригласите миссис Донохью и Хоуи. Скажите им, что ужинать будем в шесть.

Перл громко вздохнула и неохотно принялась нарезать овощи.

– Почему они должны приходить к нам на ужин?

Хоуи был сиротой, которого миссис Донохью взяла к себе десять лет назад в возрасте восьми лет. Она всем говорила, что он ее дальний родственник, но на самом деле между ними не было никаких родственных связей. Она была старой вдовой без детей. Хоуи был крепким молодым человеком, он читал ей вслух газеты и выполнял более тяжелую работу по дому. Вместе жизнь каждого из них становилась легче. Миссис Донохью часто говорила: «Этот мальчик – такое благословение! Ангел, посланный мне Богом». От ее похвалы Хоуи весь съеживался, хоть втайне слова и были ему приятны.

Элис вытерла руки о фартук.

– Потому что они наши ближайшие соседи и хорошие друзья. – И добавила: – Это самое малое, что мы можем для них сделать.

Перл поняла, что сестра имела в виду визит Хоуи после смерти их матери. Прознав про их горе, миссис Донохью попросила Хоуи отнести им завязанный носовой платок размером с большую луковицу. Когда отец, окруженный всеми своими семью дочерями, развернул его, то обнаружил внутри горсть серебряных долларов и записку, в которой говорилось, что она обидится, если они не примут этот скромный подарок. Для их семьи это было настоящим спасением.

Перл не планировала проводить целых полдня на жаркой кухне, но Элис не отставала. Как только она закончила нарезать овощи, сестра попросила отполировать серебро и прогладить льняные салфетки.

– Нет у меня времени на эти пустяки, – ворчала она, водя утюгом взад-вперед по льняным салфеткам. – Мне готовиться нужно.

– К чему это? – Элис наклонилась над столом, нажимая мерным стаканчиком на раскатанное тесто для печенья; на щеке у нее было пятно муки.

– К приезду Джона, – ответила Перл, вскинув голову – волосы были ее коронным украшением. Кроме Дейзи, она единственная унаследовала светлые локоны их матери. Если хорошенько над ними поработать, то они получались, как у Мэри Пикфорд[3]. Прошлой ночью перед сном она закрутила влажные волосы лоскутками, но из-за дневной жары локоны уже поникли. – Чтобы ты знала, я на него претендую. – Не то чтобы она переживала на этот счет. У Элис

[3] Мэри Пикфорд (1892–1979) – актриса, легенда немого кино. (*Здесь и далее – прим. пер.*)

был Фрэнк, хоть она и не особо им интересовалась. Не раз она прогоняла его, приводя неубедительные оправдания. Тем не менее Фрэнк продолжал приходить. Перл думала, что в конце концов сестра сдастся.

Дейзи забралась на стул рядом с Элис, чтобы понаблюдать, и Элис сказала:

– Я благословляю вас с Джоном. Но помни, что он останется только на лето. Не дай ему разбить тебе сердце.

Перл рассмеялась при этой мысли. Юноши бегали за ней стаями, даже старики в городе провожали ее взглядом. Если кому и разобьют сердце, то точно не ей. Берегись, Джон Лоуренс! Это она украдет его сердце. Считай, уже сделано.

Когда послеполуденное солнце взошло над горизонтом и все начали ощущать знакомое чувство голода, наступающее перед самым обедом, у крыльца послышалось цоканье лошадей отцовской повозки. Перл побежала наверх за ручным зеркалом, чтобы проверить свой внешний вид; пощипала щеки, чтобы придать им румяный цвет, и промокнула салфеткой вспотевший лоб. Локоны поникли, но не сильно. Отец не одобрил бы распущенные волосы, поэтому она заколола их заколкой и, наблюдая через окно, как Хелен и Эмма ведут лошадь и повозку в амбар, стала ждать, когда они с Джоном войдут в дом.

Услышав мужские голоса на кухне, она не спеша направилась туда, готовясь к выходу. Рядом с отцом стоял молодой человек с густыми темными волосами, аккуратно уложенными на одну сторону; в руках он держал шляпу. Кожа его имела здоровый оттенок человека, работающего на открытом воздухе. Волосы у него были черные и волнистые, сверху приглаженные, а по бокам тщательно выбритые. Она решила, что Джон Лоуренс красив, как актер из кинофильмов. Не помешало и то, что он был одет в костюм, будто собирался на воскресную службу. Возможно, с утра пиджак был застегнут, но поездка на поезде и дневная жара сделали свое дело, и теперь он был распахнут, обнажая под собой жилет. При виде ее отец сказал:

– Джон, это моя вторая дочь, Перл.

– Рад познакомиться с вами, мисс, – поприветствовал Джон, улыбаясь в ее сторону.

Перл сделала легкий реверанс, чем обычно очаровывала местных мальчишек, но внимание Джона было приковано к Элис, и он спросил ее, как ей удалось приготовить такой роскошный обед в одиночку.

– Не думаю, что заслуживаю такого пиршества.

Элис покраснела.

– Мы так рады, что вы смогли приехать и помочь отцу на мельнице. И хотели встретить вас наилучшим образом, чтобы выразить свою признательность.

– Благодарю вас за это, – ответил Джон.

– Она не все делала сама, – вмешалась Перл, желая внести ясность. – Я нарезала овощи.

Элис добавила:

– Это правда, и не только овощи. Без Перл я бы и половины не приготовила. – Она обхватила сестру за плечи и притянула к себе. Две сестры: Элис, с разгоряченным и блестевшим от готовки у раскаленной плиты лицом, с косынкой на голове, и Перл – со свежим напудренным лицом, красиво собранными на затылке волосами, из которых лишь пара непослушных локонов выбилась и рассыпалась по плечам.

Милая Элис. Всегда готовая дать сестре то, что ей нужно. Джон окинул Перл оценивающим взглядом, словно посмотрел на нее другими глазами, и слегка наклонился вперед в ответ на ее первый реверанс.

– Что ж, в таком случае адресую свою благодарность и вам, мисс Перл.

Глава 7

1983 год

Джо наблюдал из окна, как Говард и Перл забираются в седан. С этого расстояния старуха выглядела не такой грозной. Ее жесткая осанка казалась менее внушительной, пока она пыталась усесться на переднее сиденье, поднимая по одной ноге зараз. Как только дверь захлопнулась, машина рванула вперед, и они уехали. Джо предположил, что Говард действительно хотел вернуться, чтобы у них не возникли проблемы. Когда задние фонари скрылись вдали, он отошел, опуская занавеску на место.

В пустом доме царила атмосфера заброшенности, такой тишины он еще никогда не слышал. Он ненавидел «Трендейл», его нескончаемый шум, мерцающие флуоресцентные лампы, постоянный надзор. От их бдительных глаз было не скрыться. Персонал следил за его питанием, уровнем энергии, настроением. Утомительно было пытаться предугадать, чего они от него хотят, но он продолжал это делать, надеясь, что в какой-то момент выполнит их требования и сможет уйти. Теперь, уехав, он чувствовал себя немного опустошенным.

Правильно ли он поступил, уйдя из «Трендейла»? Да, решил он. Находиться здесь было странно, а узнать, что бабушка, которую он считал мертвой, жива, еще страннее, но с этим справиться можно.

Всего одну ночь.

То, что Перл уехала, выбило его из колеи. Он не очень хорошо представлял себе, где именно находится Пулман, и это слегка тревожило, но в доме был работающий телефон и даже немного еды в холодильнике. Утром он поговорит с отцом и узнает больше.

Джо думал о друзьях, что остались дома. Многие из них поступили в колледж, даже его школьная подружка, которая, как он слышал, уже помолвлена. Их жизни шли разными путями. Он встречался с другими женщинами, но ничего из этого не вышло. Одна из них, Дарлин, сказала, что он постоянно рассеян, будто что-то вспоминает и мыслями витает где-то в другом месте. Он не понял, что она имела в виду, но после этого старался быть более внимательным. Тем не менее у них все равно ничего не вышло. Отношения – это такой тяжелый труд.

С друзьями ему повезло больше. Один из его приятелей, Уэйн, устроил Джо на работу в строительную компанию, где работал сам. Джо приобрел хорошие навыки плотника и был рад получать зарплату в период тяжелой экономической ситуации, царившей в стране. Далеко не всем так повезло. Рынок труда находился в упадке, и найти работу было практически невозможно. Теперь, уйдя из «Трендейла», ему придется умолять, чтобы его взяли обратно на работу. Наверняка ему давно уже нашли замену. Тот факт, что он ушел, не предупредив, тоже был не в его пользу. Весьма сомнительно, что ему дадут еще один шанс.

Но он обязательно что-нибудь найдет. Даже если придется жарить гамбургеры в «Макдоналдсе». Он вздрогнул от этой мысли, но тут же выбросил ее из головы. Эту проблему он решит позже.

Джо обошел весь дом, включая свет в каждой комнате. Дом оказался огромным, но каждая комната была скромных размеров, не больше, чем в доме отца. Высокие потолки и большие окна создавали иллюзию большего пространства; свет от висящих светильников отбрасывал жутковатые тени.

В некоторых комнатах мебели не было, другие были обставлены, и каждый предмет укрывала простыня или покрывало. Книжные шкафы по большей части пустовали, но на стенах все еще висели картины и семейные фотографии в рамках. Создалось впечатление, будто кто-то начал собирать вещи для переезда, но его прервали, и он так и не закончил. Джо остановился в коридоре, чтобы рассмотреть фотографию двух молодых родителей и маленького мальчика. Женщина, одетая в блузку с высоким воротником и длинную плиссированную юбку, сидела

прямо. Джо понял, что это Перл в молодости, значит, мужчина на фотографии был его дедушкой, а мальчик, одетый в матросский костюмчик, – его родной отец.

Впервые он подумал о том, что никогда не видел детских фотографий отца.

Джо снял со стены фотографию в рамке и перевернул ее, но на обратной стороне не было никаких подписей. Развернув фото обратно, он начал изучать каждое лицо. В свое время Перл была сногсшибательной. Голливудская эффектность. Даже на черно-белой фотографии было видно, что ее белые волосы когда-то были золотистыми. Ее муж тоже был хорош собой: широкоплечий, высокий, чисто выбритый, с зачесанными назад волосами. Мальчик, родной отец Джо, сидел на коленях Перл, обхватив рукой ее палец. Мужчина, отец его отца, стоял позади них, положив одну руку на плечо жены. Джо подумал, что он выглядит гордым. И отец, и сын с обожанием смотрят на Перл, но она смотрит прямо в камеру, ее подбородок вздернут, а губы изогнуты в довольной улыбке.

Что случилось с этой семьей? Когда была сделана эта фотография? Они выглядели вполне счастливыми, но потом что-то пошло не так.

Джо потерял мать, но материнскую любовь ему дарила мачеха. С чего начался этот окончательный разрыв? Утром он обязательно спросит об этом Перл, а если она не захочет говорить, то расспросит отца. Он не станет настаивать, пока они не вернутся домой, но надеялся, что отец доверяет ему настолько, чтобы сказать правду. Если Джо ее не узнает, то этот вопрос будет мучить его вечно.

Джо побродил еще немного, разглядывая другие семейные фотографии. Он понятия не имел, кто все эти люди, но была одна фотография большой семьи – родителей с четырьмя дочерьми, сделанная во дворе перед домом. Одна из старших девочек почти наверняка была Перл. А остальные – ее сестры? Джо покачал головой. Так много вопросов!

Проверив шкафы и холодильник на кухне, Джо с радостью обнаружил яйца, сок, кофе и молоко для завтрака. В данный момент он не хотел есть, но знал, что завтра это изменится.

К тому времени, как он обошел весь дом, стало уже поздно. Его тело все еще жило по режиму «Трендейла»: прием лекарств в девять тридцать, отбой в десять, и ни звука после. Почувствовав, что веки закрываются, он решил немного поспать.

Поразмыслив немного, Джо подумал, что ему будет спокойнее, если оставить включенным свет внизу. Не то чтобы он боялся, но это могло бы отпугнуть потенциальных воров, если те решат, что дом пуст. А кроме того, так ему будет проще ориентироваться. Как Перл и говорила, вторая дверь слева наверху вела в комнату, в которой было чище, чем в остальном доме. Простыни и одеяла тоже пахли свежестью благодаря кондиционеру для белья. Он нашел ближайшую ванную, умылся на ночь и почистил зубы.

Раздевшись до трусов, Джо скользнул под одеяло и выключил прикроватную лампу. Он боялся, что не сможет заснуть без таблеток, которые получал в «Трендейле», поэтому обрадовался, когда на него нахлынула усталость. Было что-то приятное в том, чтобы погрузиться в сон, особенно после долгого дня. А день был долгим, по крайней мере, в эмоциональном плане.

Ему снился сон.

И снова это был не хаотичный бред, как большинство снов, а сцена, разворачивающаяся последовательно, пережитая кем-то, кто жил в этом сне. Джо использовал слово «сон» только потому, что не знал, как еще это назвать. С одной стороны, он переживал этот опыт ночью, когда спал, как во сне. Кроме того, он не контролировал происходящее. Но с другой стороны, такие видения были ярче, чем простое воспоминание, реальнее, чем просто сон, будто он находился там, лично участвовал, слышал, видел, обонял и все ощущал. Все это. У него не было выбора. В тот момент, когда он переживал происходящее, он даже не знал, что видит сон, просто его необъяснимым образом втянули в чужую жизнь. Он был другим человеком, не Джо Арнесоном, или, по крайней мере, так ему казалось. А просыпаясь, всегда испытывал шок оттого, что его перенесли в другое тело.

Сон, приснившийся ему этой ночью, начался позитивно. Эмоции, которые он испытывал во сне, были большей частью радостными. Он видел девушку, сидящую за фортепиано и играющую драматическую, яркую музыку. В комнате находились и другие люди, но он не мог сказать, кто они и сколько их. Он смотрел только на нее. Ее руки порхали над клавишами, как крылья птицы. На ней было простое голубое платье, а волосы были собраны на макушке, обнажая шею. О, какая музыка! Она играла со страстью, изливая душу в клавиши, музыка нарастала, и вместе с ней поднималось и его настроение. Над ее головой и за спиной мерцал свет, и это озадачивало его, когда он потом вспоминал этот сон. Что это было? Свет пульсировал сильно и неравномерно, и внимание всех присутствующих в зале было приковано именно туда.

Джо стоял рядом с девушкой в виде неизвестного ему мужчины. Он подошел ближе и присоединился к ней, сев на скамейку, тем самым удивив ее. Она улыбнулась ему краешком губ, но продолжила играть. Теперь он был так близко, что мог видеть убранные назад волосы. И снова он обратил внимание на изящный изгиб ее шеи. Ему пришлось перебороть желание поцеловать ее; он чувствовал, что они не близки и что целовать ее в присутствии других людей было бы как-то постыдно.

Ее волосы были теплого золотисто-коричневого цвета. Лицо ее разглядеть было очень трудно. Руки маленькие, но это не мешало ей ловко порхать пальцами по клавишам. Склонившись к фортепьяно, она играла страстно, и музыка то нарастала, то стихала. Над головой дрожали огни, отбрасывая на нее лунные лучи. Люди за спиной вздыхали. Он осторожно наклонился, желая вдохнуть ее, всю ее, понимая, что это его момент, что он может физически соединиться с ней, пока все остальные отвлечены. Все, чего он хотел, – это прикосновения, и притом невинного – коснуться рукой ее руки или коленом ее колена. Он согласился бы на один короткий миг связи.

Но этому не суждено было случиться.

В тот момент, когда он наклонился, кто-то схватил его за воротник рубашки и, дернув, отбросил назад с такой силой, что он упал на пол, и от боли у него перехватило дыхание. Комната поплыла перед глазами, и в мерцающем свете появилась мутная фигура, угрожающе склонившаяся над ним. В тусклом освещении он смог разглядеть над головой мужчины хрустальную люстру.

Лица он разглядеть не мог, услышал лишь угрожающий голос:

– Убери от нее свои поганые лапы!

Когда Джо проснулся, слова все еще звучали в его ушах, а сердце колотилось так, словно он столкнулся с реальной опасностью. В «Трендейле» он обсуждал этот конкретный сон с доктором Дженсеном, и тот предположил, что в его силах изменить исход.

– Это твой разум создает такие образы, Джо. В следующий раз ты будешь готов к встрече с этим парнем. Будешь знать, когда он повалит тебя на пол. Повернись до того, как это произойдет, и встань. – Доктор Дженсен усмехнулся. – Пусть это будет честный бой.

Все, что говорил доктор, имело смысл, но ничего из предложенного им не помогало. В глубине души Джо задавался вопросом, действительно ли он психически болен и обречен на то, чтобы эти ужасные сны преследовали его до конца жизни. Он не был уверен, что его сердце выдержит такое.

Лежа в постели, Джо мысленно воссоздал в памяти хорошие моменты: вспомнил руки девушки, ее шею, собранные густые волосы. И то, как увлеченно она играла на фортепьяно: ее руки бегали по клавишам, а правое колено покачивалось в такт.

Он отчетливо помнил то острое ощущение, когда его тянуло к ней, все ближе и ближе. Это чувство захлестнуло его и даже сейчас, вне сна, не покидало его. Джо никогда не влюблялся, поэтому говорить о любви было сложно, но тоска? Он хорошо знал, что значит тосковать, и, сидя на той скамейке за фортепьяно, ощущал, как это чувство до боли сжимает его сердце.

Когда он снова заснул, девушка все еще не выходила у него из головы. Он был так близко. Если бы только увидеть ее лицо.

Глава 8

1983 год

Как и было обещано, Перл приехала на следующее утро к девяти. На этот раз она была одна. Джо наблюдал, как она проехала на старом седане по круглой подъездной дорожке, несколько раз случайно заехала на газон, но потом справилась с управлением и вернулась на дорогу.

К тому моменту Джо уже принял душ, позавтракал и сделал несколько телефонных звонков: сначала отцу, затем своему другу Уэйну, а потом еще нескольким друзьям. Никто не мог ему помочь.

Он надеялся, что отец заедет за ним в Пулман или хотя бы позовет домой. Вместо этого отец сообщил ему, что ни того, ни другого не будет.

– Сегодня утром я разговаривал с доктором Дженсеном, – бодро сказал отец. – Поскольку твое состояние не поддается медикаментозному лечению, он считает, что ты будешь отличным кандидатом для электрошоковой терапии. Результаты были потрясающими у пациентов, которые…

– Остановись, – прервал его Джо. – Электрошоковая терапия? Нет, ни за что. Этому не бывать. Забудь.

– Джо, – продолжил отец, – я тоже поначалу сомневался, пока мне не объяснили. Поверь мне, доктор Дженсен действует в твоих же интересах. Это экстремальная терапия, но твой случай – экстремальный. Ты сам говорил, ни беседы, ни лекарства не дали ни малейшего результата. Я приеду сегодня и отвезу тебя в «Трендейл», и доктор Дженсен сам тебе все объяснит.

Но Джо лучше знал. Как только он окажется в этом учреждении, пути назад уже не будет. Он все еще помнил то чувство, когда его держали взаперти, без единой возможности выйти. Появление его давно потерянной бабушки было просто удачей. Подобное уже не повторится.

– Может, я вернусь домой и пройду какое-нибудь амбулаторное лечение? – предложил Джо. – В округе наверняка найдется врач, который согласится меня лечить.

– Найдется, конечно, – вздохнул отец. – Но, думаю, мы уже вышли за рамки амбулаторного лечения, не так ли? – У отца была привычка высказывать свое мнение в виде вопроса, и это чертовски раздражало.

– Я не чувствую, что выхожу за рамки, – возразил Джо. – Жизнь в родном доме обеспечит мне чувство безопасности и поддержку семьи, которой у меня не было в «Трендейле». – Он перенял кое-что из жаргона персонала и теперь использовал в своих интересах, чтобы защититься.

Разговор раскачивался туда-сюда: Джо преуменьшал свои ночные кошмары и приводил доводы в пользу возвращения домой, где он мог бы разобраться со своими проблемами, а отец настаивал на том, что ему нужно вернуться в «Трендейл» и получить профессиональную помощь.

– Это единственный выход.

Наконец, Джо сказал:

– Хочешь сказать, мне нельзя вернуться домой?

– Я говорю, что ты еще не готов вернуться домой, – четко подчеркнул отец. – Пока не закончишь плановое лечение в «Трендейле».

Похоже, он не понимал, что план лечения не был официальным. Проблемы Джо поставили доктора Дженсена в тупик, и теперь он просто стрелял наугад. Доктор уже достаточно долго возился в его мозгу, и Джо больше не собирался быть его лабораторной крысой.

– Я не стану этого делать.

– Тогда извини, сынок, но тебе нельзя домой. Дело не только в нас с тобой. Я должен думать о Линде и о твоей маме.

– А что они?

– Когда ты кричишь по ночам, это пугает их. Честно говоря, меня это тоже тревожит. Сам ты этого не слышал, поэтому просто поверь мне на слово. Это не твой голос.

– Я не могу это контролировать, – ответил Джо. – Ты знаешь, что я никогда не причиню вреда Линде или маме, это просто смешно. – Он заставил отца признать, что в нем не было жестокости, но все равно понял, что того не переубедить.

– Все остальное не сработало, – сказал отец. – Стоит попробовать электрошоковую терапию. Может, она и станет решением.

– Или большой ошибкой.

Отец продолжал отстаивать свою точку зрения, будто слова Джо ничего не значили. К концу разговора оба поняли, что ни один не уступит. Компромисса, позволившего бы электрическому току пройти через его мозг и оставить его прежним, не существовало. Джо выдавил из себя:

– Спасибо, что высказал свое мнение, папа. Передавай маме и Линде привет.

– Передам. Дай знать, что решишь. Я готов помочь, если передумаешь, а если тебе хватит ума, то так и будет.

Он говорил так самодовольно, что Джо понял: отец рассчитывает на то, что у него нет других вариантов. Он ждал, что Джо перезвонит, попросит прощения и согласится попробовать электрошоковую терапию. Чего он не знал, так это того, что Джо готов спать в канаве, только бы не возвращаться в «Трендейл». Ни за что в жизни этому не бывать. Должен быть лучший выход, и, даже если на это уйдет вся оставшаяся жизнь, он найдет его.

После этого он позвонил Уэйну, тот как раз собирался выходить на работу. Как только его заселили в «Трендейл», Джо написал ему короткое письмо, и на этом их связь оборвалась. Теперь он рассказал ему обо всем, что с тех пор произошло, в том числе о том, как его спасла бабушка, которую он считал погибшей. Уэйн слушал, как завороженный. Когда Джо спросил, может ли он как-то вернуть свою прежнюю работу, Уэйн рассмеялся.

– Шутишь, Джо? Знаешь, как шеф злился, когда ты просто взял и не вышел? Он поверить не мог, что ты бросил его после того, как он рискнул нанять тебя без опыта.

– Ты объяснил ему, что произошло?

– Да, но без толку. Сказал, что все равно не хочет, чтобы на него работал какой-то псих.

Джо поразмыслил над этим. То, что он мог быть душевнобольным, не значило, что он не мог быть хорошим работником. Обычно люди скрывали подобную информацию, никто не станет раскрывать ее начальнику или потенциальному работодателю. Он хотел объяснить, что психиатрическая клиника была не его идеей. Он бы не ушел просто так, без предупреждения. Его толкнули на это настояния отца и беспокойство матери.

Джо выдохнул:

– Хорошо, значит, придется искать другую работу.

Оба они понимали, что рекомендацию со старой работы не получить: кто знает, что о нем там напишут? Трудно будет объяснить пробел в трудовом стаже.

– Что-нибудь, да найдешь, – сказал Уэйн. – Я поспрашиваю. Если что найду, дам знать.

Джо знал, что так и будет. Уэйн был отличным парнем и хорошим другом.

– Я могу пока переночевать у тебя на диване? Пока не найду работу? У меня есть немного денег, могу заплатить за квартиру. – Для начала придется вернуться домой и снять деньги в банке, но он был готов к этому. Он и не ожидал, что Уэйн позволит ему остаться бесплатно.

Уэйн прокашлялся.

– У меня? На диване? А надолго?

– Пока не найду работу, потом подыщу себе жилье. Может, на месяц?

– На месяц.

– Может, и меньше, сложно сказать. Ты же знаешь, я трудолюбивый человек. На данный момент я на все готов.

Наступило долгое молчание.

– Понимаешь… думаю, вряд ли получится. Я только что переехал к Дебби, и квартира у нас крошечная, очень маленькая. И у нас две ее кошки, и домовладельцу не понравится, если с нами будет жить еще один человек. – Голос его стал тише. – И у нас парковка только для двух машин. Не то чтобы я не хотел тебе помочь…

У Джо сложилось впечатление, что Дебби маячит у друга перед глазами, яростно качая головой.

– Все в порядке, я понял, – сказал Джо. – Просто решил спросить.

Уэйн быстро завершил разговор, извинившись, что ему пора на работу. Джо все понял.

Затем он позвонил еще нескольким друзьям. Все они были рады его слышать, но никто не мог позволить ему жить у них, пусть даже временно. С горечью он понял, что потратил целое состояние на междугородние звонки, и все впустую. Придется вернуть бабушке деньги. У нее инфаркт случится, когда она увидит счет за телефон, если он не предупредит ее. Междугородняя связь была дорогой.

Приехав, Перл сразу отправилась на кухню. Она все еще пользовалась ходунками, но сегодня передвигалась немного быстрее, даже отложила их в сторону, пока варила кофе, а затем жестом пригласила внука присоединиться к ней за кухонным столом. Отпив из кружки, она завела разговор и спросила, как он спал.

– Спалось хорошо, спасибо, – ответил Джо и перешел к актуальному для него вопросу: – Расскажите, что за летняя работа, о которой вы вчера говорили? В чем она заключается?

Глава 9

1983 год

Она с самого начала надеялась на это, но до последнего не была уверена, что он согласится. На ее губах заиграла улыбка, но она сдержала ее. Ей вспомнилось выражение, которое используют дети, – строить из себя крутого. Внешне она была спокойна, как удав, но в душе прыгала от радости. Джо останется на лето, ну, или хотя бы рассматривал эту идею.

– А почему ты спрашиваешь? Знаешь кого-то, кому это интересно?

– Может, и мне.

Перл, не подавая виду, невинно спросила, почему он изменил свое мнение.

– Вчера ты был уверен, что сегодня уедешь домой.

Когда Джо рассказал ей, что отец настаивал на электрошоковой терапии, Перл пришла в ярость.

– Ох уж этот Билл! – воскликнула она. – У нас бывали разногласия, но никогда бы не подумала, что он позволит какому-то шарлатану пускать электричество в мозг собственного сына. Какой ужас! Да это же пытка.

По выражению его лица Перл поняла, что допустила ошибку, плохо отозвавшись о его отце.

– Он хочет, чтобы я это сделал, потому что думает, что это поможет. Не то чтобы ему было все равно. Как раз наоборот. – Мальчик был ему предан, и это вызывало восхищение.

– Конечно, – ласково ответила Перл. – Он просто не знает, что еще делать. – И это подействовало, Джо смягчился. Перл сделала глоток кофе. – Значит, теперь ты подумываешь остаться?

– Возможно. Что нужно будет делать?

– Все очень просто, правда, но нужно время. – Она обвела рукой кухню. – Тебе нужно будет освободить дом и подготовить его к продаже.

– Вы его продаете?

Перл кивнула.

– У меня нет выбора. Во-первых, я здесь больше не живу, дом зря пустует. Но что еще важнее, Джо, я умираю. – Ее слова попали в цель, как она и предполагала. Джо слегка приоткрыл рот от удивления.

– Умираете? Но вы прекрасно выглядите.

– Что ж, спасибо. Думаю, тебе так кажется, потому что мы только познакомились, но, уверяю, это правда. Я умираю, никакой ошибки. Рак легких, злодей этакий, вернулся. Я болела им почти десять лет назад. Прошла тогда химиотерапию, бросила курить и думала, что с ним покончено, но он вернулся. На этот раз я решила, что больше не буду проходить химию. Это было ужасное испытание, и я не хочу его повторять.

Перл вспомнила то время. Кто бы мог подумать, что можно чувствовать себя так ужасно и при этом выжить. Как-то раз ночью ей стало плохо, но она была так слаба, что на коленях кое-как доползла до ванной, где ее вырвало, а потом пролежала там до утра, не в состоянии встать и вернуться в постель. Врачи сказали, что с тех пор химиотерапия стала легче, но она все равно ответила им, что не заинтересована. Хватит с нее. Нет смысла оттягивать неизбежное.

– Химиотерапия дала мне время, но я стала старше и больше устаю. Я просто не хочу этого делать, – сказала она Джо.

– Даже если это значит, что проживешь меньше?

Перл пожала плечами.

– Я не хочу умирать, но правда в том, что все мы рано или поздно умрем.

Джо нахмурился.

– Нет, это неправильно. Я только познакомился с вами. Как давно вы с отцом не разговаривали?

– Не один десяток лет. – Перл сделала еще глоток кофе. – С тех пор, как он был примерно твоего возраста. – Она очень ясно помнила день, когда Билл уехал. Он не слушал ее. «Ты отвратительна», – сказал он тогда и захлопнул за собой дверь. Она смотрела, как исчезают вдали задние огни его автомобиля. «Он вернется», – подумала она, но ошиблась. Он так и не вернулся.

Первое время она знала, что он уехал жить к родственникам по линии отца, но потом годами ничего о нем не слышала. Только наняв частного детектива, Перл выяснила, что он закончил колледж, начал строить карьеру в финансовой сфере, женился, стал отцом, потерял жену и снова женился. Купил дом, получал повышения, ездил в отпуск, и все это без ее участия. Она знала о Джо, но снова потеряла след, когда они в очередной раз переехали, поэтому так и не узнала, что у нее есть внучка Линда. До недавних пор, пока не наняла другого следователя и не позвонила им домой. Столько лет без семьи. Одна ошибка, и посмотрите, чего она лишилась. Если Джо останется, возможно, ей удастся искупить вину.

Джо посмотрел на нее серьезно.

– Вам не кажется, что стоит наладить с ним отношения, если время на исходе?

Перл смотрела на него задумчиво. По годам он был уже взрослым, но во многих отношениях еще так юн. Она несколько раз пыталась связаться с Биллом, но он не отвечал ни на ее письма, ни на письма ее адвоката. А этот телефонный звонок был первым. Ей пришлось раскошелиться, чтобы узнать его номер, который не был зарегистрирован в телефонной книге, и она поверить не могла, когда услышала Линду, любезно ответившую на ее вопросы.

Парень ждал ответа, поэтому она заговорила осторожно:

– Конечно, идеально было бы все исправить, но жизнь не всегда складывается так, как хочется. – Сделав паузу, она продолжила: – И вот что тебе следует знать. Возможно, ты уже знаешь, но не совсем веришь. У нас у всех время ограничено. Я стара, и у меня рак последней стадии. Ты молод и здоров. И знаешь что? Тебя завтра может сбить грузовик, а я могу прожить еще три года. Нам не гарантирована ни одна минута. Младенцы умирают, и молодые люди тоже. Никто не знает, кто будет следующим. Это очень несправедливо.

– Да, я знаю, – сказал Джо несколько нетерпеливо. – Но все же, сейчас я здесь и хотел бы больше узнать о вас и семье моего отца. Если вы не против рассказать мне.

– Конечно, я очень рада, что ты здесь. Давай начнем сначала. Если уж говорить по душам, то следует прояснить несколько вещей. Например, как ты будешь меня называть?

Джо выдохнул и ответил неуверенно:

– Бабушка?

Она не чувствовала себя бабушкой, особенно по отношению к парню, который уже бреется. Может, все было бы иначе, знай она его дольше, но она пропустила его младенчество и детство, не была рядом в школьные годы и не видела его подростковых выходок. А теперь он мужчина, и называть ее бабушкой было как-то неуместно.

– Может, просто Перл? – Ей показалось, или в его глазах мелькнуло облегчение?

– Вы не против?

– Нет. Думаю, так будет проще для нас обоих. Ты не знаешь меня как свою бабушку. Мы незнакомцы, и это правда. Зови меня Перл, а я буду звать тебя Джо. Устраивает?

– Да.

– Тогда решено.

– Так почему вы с отцом не разговариваете? Почему он сказал мне, что вы мертвы?

Перл пожала плечами.

– Принял желаемое за действительное? А может, он так говорит, потому что я мертва для него, метафорически говоря. А причина, почему он выкинул меня из своей жизни, следующая: я совершила большую ошибку, и он так и не смог меня простить.

Джо наклонился вперед, поставив локти на стол.

– Какую ошибку?

Перл замолчала, всего на секунду. Она была слишком стара, чтобы приукрашивать ситуацию, поэтому просто сказала:

– Твой отец убежден, что я кое-кого убила.

Это заявление явно застало его врасплох. Джо на мгновение остолбенел, а затем спросил:

– А вы убили?

– Не специально.

Глава 10

1916 год

В гостиной младшие девочки сгрудились вокруг Джона Лоуренса, и это раздражало Перл. Малышка Дейзи расположилась рядом с ним, положив руку ему на локоть, а близняшки по очереди пытались произвести на него впечатление, сначала играя на фортепьяно, а потом рассказывая ему о новых котятах в сарае. Хелен и Эмма сидели неподалеку, хихикая на все, что бы он ни говорил. Перл едва удавалось вставить хоть слово, и только она заговорила об озере, пытаясь рассказать ему о гребной лодке, как Элис позвала ее на кухню, чтобы помочь.

Если бы Перл не знала сестру, то подумала бы, что та старалась держать ее подальше от Джона. Но это было не похоже на Элис. Правда заключалась в том, что приготовить большой воскресный обед требовало большого труда. Зачем так напрягаться? Перл не понимала. Элис трудилась до седьмого пота, готовя целый день на жаркой кухне, а еду съедали в мгновение, оставляя горы посуды, которую надо было мыть. Готовка была работой, которая создавала еще больше работы, и ради чего? Скоро наступит очередной прием пищи, и все начнется сначала. Перл давно решила, что когда станет знаменитой и богатой, то наймет слуг, которые будут готовить и, раз уж на то пошло, выполнять всю работу по дому. В отличие от Элис, ее нос никогда не обгорит от прополки в саду, а руки останутся мягкими и женственными.

Время ужина приближалось, и Элис позвала на кухню Эмму с Хелен и поручила им всем работу: накладывать еду в тарелки, накрыть на стол, зажечь свечи, налить молоко для детей и воду взрослым. Перл была рада, что ее включили в число взрослых и дали воду вместо молока. До недавнего времени отец воспринимал ее иначе. Перл старалась проводить больше времени в гостиной, где она могла наблюдать за Джоном, отцом и младшими девочками.

Приехали Хоуи и миссис Донохью; Хоуи нес крытый противень со знаменитым фруктовым пирогом своей матери.

– Пришлось использовать яблоки, которые я консервировала в прошлом году. Я бы взяла свежие, но сезон прошел, они закончились, – извинилась миссис Донохью, пока ее сын нес противень на кухню. За полуоткрытой дверью Перл услышала, как Элис восхищенно воскликнула, увидев угощение. – Надеюсь, вы не против?

– Конечно нет, – ответила Эмма и повернулась к Джону: – Миссис Донохью готовит лучший фруктовый пирог. Мы все его обожаем.

Миссис Донохью взглянула на него поверх очков.

– Вы, должно быть, Джон Лоуренс? Приехали на лето помочь на мельнице?

– Да, мэм.

– Я миссис Донохью, соседка. Полагаю, мой сын Хоуи и я будем часто вас видеть.

– Очень на это надеюсь, мэм, – улыбнулся Джон. – Рад с вами познакомиться.

Позже, когда все расселись за обеденным столом и Элис подала еду, миссис Донохью засыпала Джона вопросами. Перл внутренне застонала от того, с каким любопытством та продолжала допрашивать его под видом вежливой беседы.

– Итак, мистер Лоуренс, вы из Глэдли-Фоллс, к северу отсюда, так?

– Да, мэм.

Отец заговорил:

– Нам повезло, что Джон смог приехать и помочь нам, ведь Вендалл пролежит в больнице несколько месяцев.

Вендалл всю жизнь работал на их отца на мельнице. Он был парнем добросердечным, но быстрым умом не отличался, к тому же любил выпить, что было далеко не обычно для мужчин в их городке. На позапрошлой неделе он попал в больницу со сломанной рукой, поврежденным плечом и трещиной в тазовой кости после того, как упал с крыши дома своей матери.

Врач сказал, ему повезло, что он выжил. Перл втайне задавалась вопросом, не избежал ли он смерти потому, что был до такой степени промаринован спиртом, что приземлился мягко, а не разбился насмерть.

– Так неужели в Глэдли-Фоллс нет работы для такого молодого человека, как вы, мистер Лоуренс, что вам пришлось проделать весь этот путь? – Миссис Донохью отрезала кусочек картофеля и, рассмотрев его, отправила в рот. Ее тон звучал обвинительно, но Джон, похоже, не воспринял его таковым.

– Прошу, зовите меня Джон, – ответил он. – Глэдли-Фоллс – очень маленький город. – Все ждали, что он скажет что-то еще, но он молчал.

– Лично я очень рад, что Джон приехал помочь, – сказал отец. – Он учится в колледже, миссис Донохью, и намерен стать врачом. Я понимаю, он старается экономить каждое пенни для учебы и на другие расходы. – Отец улыбнулся Джону; он высоко уважал тех, кто был бережлив и ценил образование.

Миссис Донохью просияла:

– О, доктор! Мой Хоуи тоже учится. В следующем году он окончит школу и будет поступать в университет. – Хоуи покраснел от смущения и опустил голову. – Может, расскажете ему, что его там ждет? Дальше средней школы здесь никто не идет. Где вы посещаете занятия, мистер Лоуренс?

– Медицинский факультет университета Маркетт в Милуоки.

– Я слышала много хорошего об этом учебном заведении.

– И все правда, мэм.

– Ваши родители, должно быть, очень довольны. – Миссис Донохью сама раздулась от гордости, глядя на Хоуи и говоря о нем. – Сын, который станет врачом! Боже, это большое достижение.

Джон задумчиво кивнул.

– Моя мама очень гордится мной и будет гордиться еще больше, когда я закончу университет.

Миссис Донохью насупилась.

– А отец ваш разве не гордится?

– Мы с мамой одни, – ответил Джон, вздернув подбородок.

– Мальчик без отца. Какая жалость.

В разговор вмешался отец:

– Вы, как никто другой, должны понять, миссис Донохью, ведь проделали ту же работу и замечательно воспитали Хоуи. Потеря отца оставляет огромную пустоту, но жизнь продолжается.

– Конечно, – поспешила ответить старуха. – Мне жаль, что я затронула эту тему.

– Не нужно извиняться, – сказал Джон. У Перл сложилось впечатление, что не первый раз его спрашивают об отце.

– Просто так удивительно видеть за этим столом еще одного молодого человека. Обычно здесь только девочки Беннет да мой Хоуи, – сказала миссис Донохью, наклонившись вперед, чтобы обратиться к отцу Перл: – Откуда ваша семья знакома с молодым мистером Лоуренсом? – Пламя свечи замерцало перед ее лицом.

Перл посмотрела на Хоуи и закатила глаза в знак того, что считает его мать занудой. Несмотря на преданность матери, его любовь к Перл взяла верх, и он улыбнулся ей.

Мистер Беннет ответил:

– Мать Джона уже несколько лет работает на семью моего двоюродного брата. Они считают их своей семьей, и мы будем относиться к ним так же. – Он склонил голову набок. – В этой семье я уже давно в меньшинстве, поэтому приветствую Джона, как сына. Я очень рад,

что он здесь и будет моей правой рукой. – Он сказал это так, будто тема закрыта, но миссис Донохью не смогла удержаться от еще одного комментария.

– Приятное дополнение, но присутствие молодого человека меняет положение, не так ли? – Приподняв брови, она посмотрела на Перл и Элис, а затем и на остальных девочек за столом. – Столько всего нужно учесть, когда в семье так много молодых леди.

– Это точно, – согласился мистер Беннет.

– Вам не о чем беспокоиться, миссис Донохью. Джон будет спать в амбаре, – сказала Перл.

– Перл! – воскликнула старуха.

Мистер Беннет вздохнул.

– Перл, где расположится наш гость – это неподобающая тема для беседы за ужином.

– Особенно в смешанной компании. – Брови миссис Донохью сурово сошлись на переносице. – Тебе это должно быть известно, Перл. Моральные достоинства леди очень важны. Если хочешь быть уважаемым членом общества, думай, прежде чем говорить.

– Извините, – коротко ответила Перл.

Джон лишь кивнул:

– Извинения приняты, ничего страшного. – Он повернулся к Хоуи. – Раз уж мы будем соседями, может, покажете мне, как здесь все устроено?

– С радостью, – ответил юноша.

– Хоуи всегда рад помочь, – заявила миссис Донохью. – В этом он следует по пути Иисуса.

– Разумеется, – поддержал ее мистер Беннет. – Он прекрасный молодой человек, и это целиком ваша заслуга, миссис Донохью.

Соседка засияла от гордости и вернулась к своему десерту.

– Очень вкусно, – отметила Элис, указывая на свою тарелку, – и не я одна так считаю. Дейзи вылизала бы весь противень, дай ей волю.

– А можно? – подала голос Дейзи. Обычно младшие девочки вступали в разговор, только когда к ним обращались, но после смерти матери отец стал безразличнее относиться к правилам.

Элис улыбнулась ей.

– Нет, нельзя.

Когда был съеден последний кусочек, семья удалилась в гостиную; все, кроме четырех старших девочек, которые остались убирать со стола и наводить порядок на кухне. Перл то и дело возвращалась в гостиную, чтобы украдкой взглянуть на Джона, который оживленно беседовал с Хоуи, в то время как миссис Донохью с удовлетворением наблюдала за происходящим. Казалось, эти двое, которым суждено было получить высшее образование, нашли друг в друге родственную душу. Мистер Беннет и младшие дочери сидели тихо и слушали.

К тому времени, как Элис убрала последнюю тарелку, а Перл развесила полотенца, солнце начало опускаться за горизонт, и миссис Донохью уже прощалась, спеша уйти, пока не стемнело.

Они все вышли на крыльцо, когда Хоуи подогнал повозку; кобыла бодро шагала, радуясь тому, что отправляется обратно домой. Мистер Беннет помог миссис Донохью подняться, и девочки помахали им на прощанье.

Семейство Беннет и Джон Лоуренс все еще стояли на крыльце, когда услышали рев мотора. Все повернули головы. Они были поражены, увидев на дороге такую редкую вещь, как настоящий автомобиль. За рулем сидел поклонник Элис, Фрэнк.

Черный «Форд Т» остановился у их дома. Фрэнк распахнул дверь и крикнул:

– Оцените эту красоту!

Мэй и Мод выбежали вперед, чтобы полюбоваться новым автомобилем, а Дейзи осталась рядом с Элис, крепко вцепившись в юбку сестры. Даже их старому псу Шепу стало любопытно, и он рысью выскочил из-за сарая узнать, что за шум.

– Ты знала, что Фрэнк нанесет нам визит сегодня? – спросил мистер Беннет у старшей дочери, голос его терялся в общем шуме.

Элис покачала головой.

– Нет. Вообще-то я не раз просила его не приезжать. – Она сложила руки на груди. – Он не слушает.

Глава 11

1983 год

– Постойте. Правильно ли я услышал, – спросил Джо и повторил слова Перл: – Вы кого-то убили, но не специально?

– Именно так, – ответила Перл. Ужас на его лице заставил ее пожалеть, что она вообще заговорила об этом. Просто старая история, и сейчас вспять ничего уже не вернуть. Очевидно, Джо из тех, кто тоже будет держать на нее обиду. Возможно, все мужчины в семействе Арнесон такие.

– Что это значит?

– Это значит, что кто-то умер, и твой отец считал меня виноватой.

Джо обдумывал сказанное.

– А вы были виноваты?

Перл чувствовала, что от ее ответа зависит очень многое. Он мог броситься и убежать отсюда, как это сделал его отец много лет назад.

– Я не знаю. Одному Господу Богу решать. Когда я встречу его – если встречу, разумеется, – то уверена, он даст мне ответ. – Припомнить Бога и приплести сюда высшие силы было умно. Так она выглядела в его глазах скромнее.

– Так что произошло?

– Если не возражаешь, я не хотела бы пока об этом рассказывать. Я хочу, чтобы сначала ты узнал меня получше, прежде чем услышишь о худшем поступке в моей жизни. Я давно убедилась, что нельзя судить о человеке по худшему поступку, который он совершил. Да и по лучшему, если уж на то пошло. – Перл вздохнула. – Человек – существо куда более сложное, чем одно событие, произошедшее с ним один раз за всю его жизнь.

Джо кивнул, как будто понял.

– Предполагаю, твой отец считает, что здесь ты в безопасности? Если бы он действительно считал меня убийцей, то вряд ли бы позволил тебе остаться.

– Может, и так.

– Значит, допустим, я не опасна. – Это замечание заставило его улыбнуться. Она завоевывала его расположение. – Если будешь все лето на меня работать – а я надеюсь, что так и будет, – мы сможем узнать друг друга поближе.

– Если останусь, то жить буду здесь, в этом доме?

– Да.

– Один? И больше никого?

Перл подавила смешок.

– А вот это решать тебе. Меня здесь не будет, и, насколько мне известно, привидения здесь не водятся. Не боишься же ты остаться один?

– Нет, мэм.

– Давай без «мэм», можно просто Перл.

– Нет, я не боюсь быть один. Просто пытаюсь все прояснить, прежде чем брать на себя какие-то обязательства.

– Тогда, похоже, мне не помешает еще одна чашка кофе. – Перл встала и налила себе кофе, а затем села обратно. – Ладно, поехали. Следующий вопрос.

– Что нужно делать? Что конкретно? Знаю, вы сказали, освободить дом и подготовить его к продаже, но я не совсем понимаю, что для этого нужно.

Перл наклонилась, чтобы взять свою сумочку, достала папку и протянула ему. На обложке было написано ее имя, адрес дома и контактная информация для Пайн-Ридж-Холлоу. Внутри лежали бланки, дающие ему разрешение нанимать других людей на работу.

– Вы знали, что я за это возьмусь, – сказал Джо, несколько минут читая бумаги. – Здесь везде заполнено мое имя. – Он постучал пальцем по странице.

– Я не была уверена. Скорее, надеялась, – ответила Перл. – Это нужно сделать, и я хочу, чтобы это произошло до того, как мне придется покинуть этот большой и плохой мир. Я составила завещание, в котором четко указаны мои пожелания касательно моего здоровья в конце пути. А вот дом – настоящий камень преткновения. Я бы хотела, чтобы его вычистили и продали. А если при этом мне выпадет шанс познакомиться со своим внуком, тем лучше.

– Десять недель – немалый срок, чтобы привести дом в порядок. – Джо оглядел кухню. – Что, если справлюсь раньше?

– Не получится, – ответила Перл, сделав глоток. – На чердаке полно семейного барахла, а в сарай годами не заглядывали. Бог знает, что там лежит. Для начала придется составить опись всего, что здесь есть.

– Инвентаризация?

– Да, ничего особенного, просто список всех предметов, но обойти придется все. Каждый шкаф, каждую кладовку и полку. Работы много. Затем вещи нужно будет рассортировать, упаковать и перевезти. Я арендовала большой пикап, его подгонят сегодня попозже. Он будет здесь столько, сколько и ты.

– Вот опять, вы, кажется, были уверены, что я останусь.

Перл продолжила, не обращая внимания на его комментарий:

– Какие-то вещи сможешь сам перетащить, но с более крупными тебе понадобится помощь, подробности найдешь в моей папке. Есть один магазинчик, «Райский секонд-хенд», владелицу зовут Кэтлин. Я говорила с ней по телефону, и она согласна взять мебель на продажу. – Перл вздохнула. – Сейчас уже неважно, продадутся эти вещи или нет. Скоро я буду мертвее мертвых, и никакие деньги мира мне не помогут.

– Позитивное мышление.

– Что есть, то есть, ничего не поделаешь. – Перл огляделась по коридору. – Если захочешь взять что-то себе, не стесняйся. Просто отметь это в инвентарной ведомости.

– Себе? Я могу взять что захочу?

– Конечно, ты же член семьи. Кто еще может забрать семейные вещи, как не мой внук? Подумай и о сестре, может, и ей что понравится. Вряд ли я когда-нибудь с ней встречусь. Разве что твой отец соизволит и заговорит со мной.

Джо вернулся к бумагам.

– Значит, начать с инвентаризации. Что потом?

– Инвентаризация – это для меня. Я просмотрю список и помогу тебе решить, что со всем делать. Хлам пожертвуем или выбросим. Еще я заказала мусорный контейнер. Его припаркуют на подъездной дорожке на все необходимое тебе время. Часть домашней утвари уйдет на благотворительность, а мебель и ценные вещи, которые тебе не нужны, отправятся на реализацию в магазин Кэтлин.

– Эта Кэтлин, вы доверяете ей?

– Я не очень хорошо ее знаю, – ответила Перл, пожав плечами. – Молодая женщина, примерно твоего возраста. Она унаследовала магазин от своей двоюродной бабушки Эдны, порядочной женщины, которая в деловых отношениях была известна своей честностью. Чересчур мягкосердечная, но, полагаю, ничего не могла с этим поделать. И если думаешь, что я старая, то видел бы ты Эдну Кларк! Она была ненамного старше меня, но выглядела просто древнющей! Даже у ее морщин были морщины. – Перл постучала кончиками пальцев по столу и усмехнулась. – Кэтлин взяла на себя все дела, когда Эдна была уже на смертном одре. Как я понимаю, она примчалась из Огайо, когда узнала, что та больна, потом помогала ей, пока та лежала в больнице, и управлялась в магазине. И все это до того, как узнала, что единолично унаследует все барахло Эдны. Так что, думаю, она неплохой человек.

Джо собрал бумаги и сложил их обратно в папку.

– Думаю, я понял, что нужно делать.

– Так ты возьмешься за эту работу?

– Да.

– Очень хорошо. – Перл сделала еще глоток кофе. – Давай я покажу тебе остальную часть владений, пока у меня есть силы. По утрам я еще бодрячком, но к вечеру уже выдыхаюсь.

Джо прошел вперед, остановившись, чтобы Перл догнала его, и придержал для нее дверь на улицу. Когда она шагнула к ступеням, и Джо хотел было взять ее под локоть, она отмахнулась.

– Я скажу, если мне понадобится помощь.

Перл никогда не возражала против галантного предложения джентльмена, но на данном этапе жизни, когда кто-то помогал ей сделать такую простую вещь, как спуститься по ступенькам крыльца, она чувствовала себя старой. Не такой старой, как другие обитатели Пайн-Ридж-Холлоу. Те уже были одной ногой в могиле; глаза их помутнели, зубов почти не осталось. Нет, она до такого еще не дошла.

Это заняло некоторое время, но они с Джо обошли весь участок. Она показала ему два сарая и курятник.

– От курятника остался один каркас, – сказала она, стукнув ходунками по стене. – Можешь снести его, инструменты в сарае. Если не найдешь нужных, езжай в город и купи все необходимое в хозяйственном магазине. Скажи, что от меня, пусть запишут на мой счет.

Амбар она оставила напоследок, распахнула дверь и встала в дверном проеме. Вдоль одной стены были сложены старые тюки сена. Пылинки кружили в лучах света. Перл вдохнула, и в горле защекотало; она громко откашлялась, потом еще раз. Вцепившись в ручки ходунков и склонившись набок, она кашляла и хрипела, всем телом пытаясь изгнать раздражитель. Наконец, она выплюнула сгусток серой слюны и прочистила горло. Она посмотрела на Джо, ожидая увидеть отвращение, но вместо этого увидела на его лице беспокойство.

– Вы в порядке? – спросил он.

Перл кивнула, тяжело сглотнув.

– Глоток воды не помешает.

– Минутку, я принесу. – Он трусцой побежал к дому.

Когда он вернулся с большим стаканом, наполненным доверху водой, ей уже стало лучше, но она все равно была благодарна. Забавно, как порой важен такой незначительный жест. Она отпила глоток.

– Спасибо.

– Может, вам вернуться в дом и присесть? – заботливо предложил он.

Перл отметила, что в Джо есть сострадание, которого не было у его отца. Потому ли, что его мать умерла и он знал, что такое утрата, или человек таким рождается? Она склонялась к тому, что такими рождаются, но себя Перл знала достаточно хорошо, ей сострадание было несвойственно. Только недавно она начала осознавать, сколько вреда нанесла другим, думая только о себе.

– Ты еще не видел лучшее, – сказала она. – Озеро.

Она поставила стакан на тюк сена рядом с дверью сарая и направилась в конец участка, а Джо пошел следом за ней. Тропинка к озеру никогда не была вымощена, но за столетия ее истоптали так, что грязь стала твердой, как асфальт. Пройдя половину пути, Перл остановилась на вершине склона. Сквозь деревья впереди виднелось озеро; на поверхности воды плясал солнечный свет.

– Старухе дальше идти тяжеловато. Я подожду здесь, а ты иди посмотри.

Джо колебался.

– Уверены?

– Да, а когда вернешься, расскажешь, что видел. Интересно, что стало с пристанью. – Издалека казалось, что с ней все в порядке, но Перл знала, вблизи все может быть иначе.

Джо кивнул.

– Я быстро.

Наблюдая, как он направляется к тропинке, Перл думала о том, что озеро это совсем не поменялось. Вся жизнь – сплошные непрекращающиеся перемены. Дети рождаются и растут, будто бы в одночасье. А потом, в мгновение ока, становятся взрослыми, женятся и объявляют, что сами скоро станут родителями. Никто не предупреждал, что все произойдет так быстро.

Да и местность кругом изменилась. Деревья стали выше, некогда саженцы стали крепче и выросли, густой тенью крон защищая жителей от солнца. Новые дома строились и со временем приходили в упадок. Какие-то сносили и на их месте строили новые; другие достраивались или реконструировались, теряя первоначальный облик. Дороги расширялись, светофоры обновлялись. За всем этим было трудно уследить.

Магазины на протяжении десятилетий оставались неизменными, а затем, как по мановению палочки, все поменялось. Лавку Томлинсона выкупила какая-то национальная сеть. Аптека Фредерика лишилась фонтанчика с газировкой, а на витринах вместо сладостей теперь стояли исключительно лекарства, снеки и прочие товары для здоровья. Перл купила там свои ходунки, а Говард – не одну трость. Он все время их терял. Жаль было смотреть, как мир меняется на глазах, и не иметь сил остановить это.

Однако озеро было неподвластно времени, оно выглядело почти так же, как и в ее детстве. Место невозмутимого умиротворения посреди быстро меняющегося мира.

Перл прошептала:

– Мир для молодых.

Сложно сказать, услышала она это выражение где-то или придумала его сама, но знала, что это правда. Когда-то и она была молода, и перед ней открывались разные чудесные возможности. А теперь у нее остался только этот молодой человек, ее внук. И если она хочет все исправить, то это падет на его долю. И случиться это должно в ближайшее время или никогда. От этого зависит так много.

Глава 12

1983 год

Кэтлин стояла у прилавка магазина «Райский секонд-хенд», прижав телефон к уху. Она слушала, как пожилая дама на другом конце линии бессвязно толковала обо всем, что они уже много раз обсуждали. Кэтлин рассеянно наматывала кудрявый шнур на палец, периодически убеждая Перл, что все поняла.

– Да, конечно. Разумеется.

Она обвела взглядом комнату и, завидев свою помощницу Маршу, молча прошептала ей губами «Спаси меня!» и закатила глаза.

В ответ Марша бросилась к входной двери и закрыла ее так, чтобы были слышны колокольчики.

– Извините! – крикнула она. – Кто-нибудь скажет мне, почем этот комод? Эй, есть кто?

Кэтлин сказала:

– Простите, миссис Арнесон, но я одна в магазине, и мне нужно обслужить покупателя. – Она распутала шнур с пальца. – Нет, не нужно перезванивать. Я все прекрасно поняла. Да, я перезвоню. Спасибо, миссис Арнесон. До свидания.

Кэтлин положила трубку на рычаг и подняла руку ко лбу.

– Что это было? – спросила Марша, усмехаясь.

– Перл Арнесон, еще больше инструкций. Видимо, считает меня полной идиоткой.

– И что теперь?

Кэтлин устремила взгляд вверх, к хрустальной люстре, ценник которой крутился на шнурке у основания.

– Хотела сообщить мне, что ее внук Джо согласился на работу и будет жить в ее доме. И подтвердить, что я возьму ее мебель на продажу. – Кэтлин махнула рукой. – И так до бесконечности. Все это мы уже обсуждали. А я точно возьму всю ее мебель? Хватит ли в магазине места? Ведь мебели будет очень много. – Она оглядела зал: ассортимент давно не пополнялся и оскудел, так что свободного места было много. Подсобка и гараж тоже пустовали и были готовы заполниться хоть сейчас.

Марша покачала головой.

– Она же старая. Уверена, она просто забыла, что вы все это обсуждали. Я слышала, она умирает.

– Да, я тоже слышала. Она сама мне об этом сказала. – Кэтлин вздохнула. Она вспомнила, как две недели назад Перл Арнесон пришла в магазин, чтобы договориться о продаже домашнего имущества. При этом объявила о своем предсмертном состоянии без малейших эмоций, сказав, что это, скорее, крайний срок, а не конец ее жизни. Кэтлин не совсем ее поняла, но все равно сочувствовала ей. – Зря я была так нетерпелива с ней.

– Шутишь? Да ты самый терпеливый человек на свете! Она по-настоящему ужасна. Ну, то есть мне жаль, что рак вернулся, но есть в ней что-то такое, от чего у меня зубы сводит. Еще до того, как ты взяла на себя управление этим магазином, она заходила к нам и в некотором роде даже насмехалась над тетушкой Эдной.

– Не может быть! – Кэтлин провела сотни часов у постели бабушки Эдны в больнице, и та никогда и слова плохого не говорила ни о ком, тем более о Перл Арнесон. – Она над ней насмехалась?

Кэтлин не могла себе это представить. Тетушка Эдна, как ее еще называли, была доброй как ангел; она благодарила медсестер за все, что они делали, и извинялась за то, что доставляла столько хлопот. А до этого, еще будучи в добром здравии, она была практически святой: разносила домашнюю выпечку больным людям на дом, не только друзьям или соседям, но и

тем, кого едва знала. На похоронах Кэтлин слушала одну историю за другой. Ее двоюродная бабушка Эдна была известна тем, что давала деньги нуждающимся, иногда анонимно.

– Я просто нашел его у себя на крыльце, – мужчина принялся рассказывать, что потерял работу, а потом его ребенок заболел. – Конверт, полный пятидесятидолларовых купюр, с запиской, в которой говорилось, что это от друга и что она будет молиться за нас. Подписи не было, но мы с женой знали, что это она. Деньги нужны были нам как никогда, мы находились в отчаянии. Ваша бабушка была настоящим ангелом на земле.

– Перл не то чтобы открыто ее высмеивала, – уточнила Марша. Она села на табурет и положила ноги на перекладины. – Как бы маскировала это под тошнотворную любезность. Она ходила по магазину и говорила, как хорошо, что некоторые вещи никогда не меняются, что Пулман растет и меняется, другие люди путешествуют, приезжают и уезжают, но на старую добрую Эдну Кларк всегда можно рассчитывать, ведь она всегда здесь, за прилавком «Райского секонд-хенда», неотъемлемая часть этого магазина.

– Не так уж и плохо, – ответила Кэтлин, обдумывая ее слова. Она сама становилась постоянным атрибутом магазина, и ее это вполне устраивало. – Может, она сказала это в хорошем смысле?

Марша покачала головой.

– Нет, она имела в виду, что у Эдны не было никакой жизни, а магазин устарел. Но твоя бабушка не клюнула на эту наживку. Она была истинной леди. Сказала, что не обратила особого внимания на слова Перл; у той, мол, была трагичная жизнь, и если ей стало легче оттого, что она унизила ее, то так тому и быть. Сказала, что некоторые люди просто такие, какие они есть.

– Эдна была мудрой и доброй.

Кэтлин знала, что такое трагичная жизнь. Ей было двадцать шесть, и она уже развелась. Вопреки желанию родителей она рано вышла замуж и переехала с мужем на другой конец страны. То была ошибка, большая ошибка. Она поняла это во время медового месяца, когда ее муж, который души в ней не чаял, стал контролировать ее и ревновать. Через несколько месяцев ее жизнь превратилась в непрекращающиеся попытки сделать его счастливым; ей постоянно приходилось уверять его, что она не смотрит на других мужчин и любит только его. То, что она считала страстью, превратилось в одержимость, а то, что начиналось как простые ссоры, вскоре переросло в защиту от гневных взбучек. Однажды он схватил ее за руки так сильно, что позже она заметила на коже синяки от его пальцев. Он всегда извинялся, так сожалел. Он плакал и клялся измениться, а она всегда смягчалась и давала ему еще один шанс.

Однажды Кэтлин увидела пару в продуктовом магазине. Она расслышала, что они выбирали арбуз для семейного пикника. У женщины из-под солнцезащитных очков виднелся синяк, а мужчина все торопил ее, негодуя, что из-за нее они вечно опаздывают. Его тон, такой нейтральный, но угрожающий, напомнил ей голос ее собственного мужа, когда тот был на грани взрыва, и она увидела себя в этой женщине, пытавшейся угодить ему, лишь бы не вызвать его гнев. Когда они уходили, Кэтлин услышала в своей голове женский голос, ясный и четкий, как колокольчик: «Он никогда не изменится». Либо это было божественное вмешательство, либо она сошла с ума. В любом случае, она решила, что настало время расстаться.

С тех пор она начала откладывать деньги, пока не накопила достаточно, чтобы сесть на автобус до Огайо. Родители помогли ей развестись, и она начала новую жизнь, устроилась работать в банк в своем родном городе и стала откладывать деньги. Когда бывший муж начал появляться везде, куда бы она ни пошла, иногда преследуя ее на машине, она встревожилась, а когда стали приходить подарки и записки, ситуация обострилась.

Поначалу в записках он молил о прощении, но со временем они приобрели неопределенно-угрожающий характер. «Я не могу жить без тебя. Мысль о том, что у тебя есть кто-то еще, убивает меня. Мы должны быть вместе. Ты никогда не найдешь человека, который будет

любить тебя так, как я. Всю оставшуюся жизнь я буду доказывать, что мы должны быть вместе. Я сделаю все, что потребуется, чтобы ты была рядом со мной».

Полиция не помогала, казалось, они не понимали опасности.

– Не обращайте на него внимания, ему надоест, и он перестанет, – сказал как-то офицер.

Другой посоветовал дать бывшему мужу еще один шанс.

– Я говорил с ним, и он кажется хорошим парнем, – сказал офицер. – Он признал, что совершал ошибки, но ведь все мы совершаем ошибки, я прав?

Он похлопал Кэтлин по плечу, будто ребенка, что привело ее в ярость. Она попыталась рассказать полицейским историю их брака: о том, что у ее бывшего был буйный нрав и склонность к физическому насилию, но почувствовала, что вежливый кивок головы – это все, чего она от них добьется. Никто не воспринял угрозу всерьез, кроме ее семьи.

Однажды ее мать, поговорив с двоюродной бабушкой Эдной, предложила Кэтлин поехать в Пулман, чтобы помочь той и поухаживать за ней. Кэтлин с радостью согласилась. Она никому не сказала, куда едет, чтобы Рикки ее не нашел.

После смерти Эдны Кэтлин узнала, что все – дом, машина, бизнес – перешло к ней. Она осталась, чтобы разобраться с делами, и в итоге заняла место своей двоюродной бабушки. К бизнесу в придачу досталась и Марша – помощница, которая знала все о магазине, но не была заинтересована в управлении им.

Запасы в магазине подходили к концу, и Кэтлин уже собиралась отправиться на блошиные рынки, когда получила первый звонок от Перл. Марша сказала, что в ее доме уже много лет никто не бывал, кроме старого простофили Говарда Донохью, но в городе поговаривали, что там много хорошей мебели. По слухам, отец Перл был столяром от Бога и изготовил немало красивых вещей. Скоро ее магазин будет заполнен от пола до потолка.

Марша прервала ее размышления.

– Так этот Джо, внук Перл, он не женат?

– Не знаю, а что? Ты заинтересована?

– Не для меня, глупая, для тебя! Ты слишком много времени проводишь одна. Тебе нужен парень.

О романе Кэтлин думала в последнюю очередь.

– Мило с твоей стороны, Марша, но я не ищу парня.

– Может, ты и не ищешь, но что, если появится подходящий? Это будет судьба, так?

Кэтлин улыбнулась.

– Я не верю в судьбу, и меня не волнует, холост Джо Арнесон или нет. Мне это неинтересно.

Марша подняла метелку из перьев и смахнула ею пыль со старинного письменного стола.

– Не говори так! Это было бы идеально! Ты новенькая в городе, Джо тоже новенький. Вы оба приехали сюда помочь престарелым родственникам. Вы встретитесь, проскочит искра!.. Только представь, какая замечательная история получится для детей и внуков.

Кэтлин рассмеялась.

– Ну и воображение у тебя! Она не говорила, сколько ему лет. Может, он только школу окончил.

– Ничего страшного, если он моложе, – ответила Марша. – Любви все возрасты покорны!

Глава 13

1983 год

После развода Рикки стало проще следить за Кэтлин. Прождав немало времени, он переехал на другой конец страны, чтобы быть ближе к ней. Нашел работу и квартиру в соседнем районе и большую часть свободного времени проводил, посещая места, которые она больше всего любила, в надежде увидеть ее там. Обнаружив закономерность – утром по субботам она ходила в библиотеку, по четвергам обедала с коллегой в одном и том же ресторане, по вторникам вечером ходила с мамой за продуктами, – он старался быть в этих местах, чтобы следить за ней. Он знал, что подойти к ней было бы большой ошибкой, поэтому просто спокойно наблюдал за ее передвижениями, отслеживая, какую еду она заказывает и какие книги предпочитает.

Никто не знал Кэтлин так, как он. Никто. И никто никогда не узнает. Когда Рикки общался с другими парнями о женах и подругах, они в основном сетовали на то, как долго женщины говорят по телефону и сколько времени тратят на то, чтобы собраться утром. Все это было обыденно до тошноты. Никто из них и понятия не имел, каково это – найти идеальную женщину, ту, без которой мужчина не может жить. Кэтлин была всем этим и даже больше. Она была создана для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.